

ПОСЛЕДНИЙ
ФРОНТИР
Путь Воина

Вероника Мелан

Annotation

Своровала деньги? Потому что говорил «наши». А еще говорил «люблю», вот только любовь со временем тускнеет, но жажда мести никогда. Пойманная и избитая своим «бывшим» за воровство, Белинда Гейл обнаруживает себя на странном этапе жизни — ни денег, ни идей, куда податься, ни особенного более желания жить. Странная беседа с незнакомцами на мосту; слова «Иди в монастырь» — пойдет ли? Пойдет, если не побоится принять вызов судьбы и пройти «Путь Воина». Пойдет, если желает обрести мир в голове и в сердце. Пойдет, если не устрашится неразговорчивых монахов, узкоглазых учеников, неизбежных ссадин и синяков, а так же двух судьбоносных встреч — с Джоном Сиблингом и Уорреном Бойдом

Вероника Мелан

Последний Фронтир. Том 1. Путь Воина

* * *

От автора: Я всегда знала, что однажды эта песня доконает меня, и тогда я именно под нее начну писать новый роман. Слушая ее год за годом, я не знала, какой именно роман она ознаменует, теперь знаю. Дам Вам один совет: если что-то назойливо кружит вокруг Вашего плеча, не дает покоя и наводит на мысли, хватайте это, превращайте в идею и реализуйте — это все равно, что разделаться с мухой, которая бесконечно зудит. Бац! Все, я собираюсь ее прихлопнуть. Встречайте — «Последний Фронтир».

Важно: Действие первого тома происходит до того, как Джон Сиблинг встретил Яну Касинскую (события описаны в книге «Игра Реальностей. Джон»)

*“I wanna take this money, get out of town,
Buy some time, we can make it somehow!
Waiting for a dream to come around
You know me better than that,
Baby I’m not down...”*

(Dev — Gateway)

Собираться пришлось в спешке.

Белинда перемещалась по дому хаотично, как наркоман в поисках дозы: от шкафа к шкафу, от ящика к ящику — выдвинула, перерыла, задвинула, распахнула дверцу, перебрала одежду, погремела флаконами и пузырьками, закрыла. Несколько секунд в неподвижном положении с трясущимися руками (Что брать? Что брать?), затем все по новой. Комната, спальня; спальня, комната; ящики-ящики-ящики...

В рюкзак отправлялось только главное: кошелек, кредитки, пара плавок и ежедневных прокладок, подследники, блокнот, ручка. Зачем ей блокнот? Выложила. Подумала, стоит ли запихнуть в пакет сменные джинсы, носки и тонкую куртку, но не стала — все, что нужно, купит позже. Когда сбежит. Ведь самое главное — толстенная пачка денег, стянутых резинкой, — уже покоилось на дне рюкзака под хламом, состоящим из косметики, запасных капроновых чулок и таблеток от головной боли. Потому что головная боль давила часто.

Джо ее убьет, когда обнаружит пропажу. Но ведь это не только его деньги, но и ее — так он всегда говорил. Это *их* деньги.

Белинда зло хохотнула — ага, как же. Их. Но не он ли всегда убеждал, что когда они накопят достаточно, то купят просторную квартиру, обставят ее новой мебелью, обновят им обоим гардероб, заживут припеваючи? Зажили, как же...

Джо квартиру купил. Но втихаря.

Она узнала об этом лишь потому, что по пьяни об этом случайно проговорился Билл — сука, Билл, он все испортил.

«Нет, не испортил, — крутилась мысль, — он все наладил, он все сделал правильно».

Джо врал ей. Про то, что торговля — дело тонкое, что поиск клиентов — штука сложная, что оружие — то самое оружие, которым он торговал, — это огромный риск, и потому нужно быть осторожным. Осмотрительным, как кролик, стремительным, как удав, и хитрым, как лис. Хитрым он, сволочь, однозначно был. Все откладывал и откладывал по центру — сначала с тех денег, которые брал у нее («Лин, это нам на новую жизнь...»), а она, между прочим, горбатилась за них, разнося в закусочной тарелки с тостами и яичницей, — после откладывал с каждой проданной партии. А сделки месяц за месяцем становились все крупнее, все прибыльнее. И вот, наконец, Джордан по прозвищу Килли (именно это слово белело на его любимой серой майке) отложил столько, что сделался богачом.

Они сделались — так она до вчерашнего дня считала.

Да, до самого вечера, пока вернувшийся с очередного празднования из бара Джо, пойманный на вранье, вдруг не указал своей сожительнице на дверь, заявив, что в новую

квартиру он, увы и ах, приведет другую. Другую, которую уже нашел.

Слез не было.

Было давящее ощущение, что мир развалился. Плохонький мир, заскорузлый, но привычный, иногда даже теплый. Мир, в котором Белинда все еще считала Джордана своим парнем, в котором, как рыба в затхлой воде, пыталась прижиться, сиюсь отыскать уютные и душевные уголки. Их было мало, но она находила: в моментах, когда они вечерами, обнявшись, сидели на диване и смотрели кино на новом широкоэкранном дорогом телевизоре; когда она гремела на их тесной кухне алюминиевыми кастрюлями; когда шумел, закипая, чайник. Который они, кстати, тоже выбирали в магазине вместе.

Они были семьей — так ей казалось.

Нет, она хотела, чтобы ей казалось, что они были семьей.

Или ей казалось, что ему тоже казалось, что они были семьей?

Насрать.

Главное теперь решить, что взять с собой, а что оставить, — часы тикают. Ее бывший гад со своими головорезами уехал на сделку в Дорнвуд, а это в сутках пути на машине, но время поджимает. Он вернется. Вернется, поедет на склад и увидит, что его заначка, спрятанная в тесном кабинете на дне второго снизу выдвижного ящика стола, пропала. И он сразу поймет, чьих это рук дело.

И бросится в погоню, не простит.

Он сказал ей: «Выметайся!» и уехал в уверенности, что Белинда — та самая Белинда, которая когда-то в нем души не чаяла, — не решится на подобное — воспользоваться своей копией ключа от склада.

Джо знал про складской ключ, но он не подозревал о ключе от кабинета.

Догадается быстро.

Швырнув наполненный добром рюкзак в коридор, Белинда вернулась в гостиную, опустилась на диван и затихла. Какое-то время сидела, злая и опустошенная, затем бросила взгляд на сервант, поднялась с места и открыла стеклянную дверцу, на ручке которой висело покрытое пылью плюшевое сердечко с надписью «Вместе навсегда».

Когда дверца закрылась, сердечко привычно соскользнуло с ручки — оно всегда соскальзывало: когда она убиралась и задевала его боком, орудуя пылесосом; когда Джо натягивал куртку, чтобы выйти покурить на балкон; когда она расставляла на их маленьком столике еду к ужину.

Соскользнуло и теперь. И впервые в жизни не было поднято с пола.

* * *

По поводу торговли оружием они спорили часто, и к концу диалога Белинда срывалась на крик, а Джо гневно поджимал губы.

— Зачем ты помогаешь людям убивать друг друга?

— Лин, не начинай.

— Но мы живем на эти деньги. На грязные деньги.

— Деньги грязными не бывают. Бывают грязными руки и мысли.

— И поступки!

— Поступки? Я всего лишь торговец...

— Но не тряпками!

— На тряпках много не заработаешь. Я не заставляю людей жать на курок...

— Но ты даешь им пистолеты и автоматы. И они жмут.

— Не давал бы я, давал бы кто-то другой!

Утопический разговор. Не торговал бы наркотой один, торговал бы другой — убежденно заявлял Килли. Перестану продавать гранаты я, их начнет продавать сосед. «Но почему бы не продавать яблоки на базаре», — хотелось выплюнуть ей, и она сдерживалась, сжимая челюсти. Знала, что ее пошлют гораздо дальше, чем торговать яблоками.

«Дура! — бросят ей неприязненно. — Ты просто наивная и безмозглая дура. Веришь в людскую доброту? Что мир может быть идеальным, теплым и приветливым, где все здороваются друг с другом с утра, жмут руки при встрече и улыбаются, рассказывая о новостях? В мире всегда было оружие. И всегда будет, как и наркотики. А еще в нем будут обиды, гнев, разочарования, месть, боль и много чего еще».

Много, да.

Она знала, что много, потому что все из вышперечисленного время от времени испытывала сама. Да и много ли требуется для обиды? Одно презрительное слово, косой взгляд, отсутствие звонка, едкая фраза. Для разочарования? Молчание, когда хочется услышать комплимент, отсутствие «спасибо» за ужин, храп в постели тогда, когда готов к занятию любовью. Много ли нужно для гнева и мести?

Отнюдь.

Если собственную обиду и разочарование Белинда еще проглотить могла, то вранье — нет. Ни за что и никогда.

* * *

Пузатая и блестящая гранями бутылка коньяка резонировала с серым убранством комнаты, как сунувшаяся в бальном платье под мост к нищим аристократичного вида дама. Бутылка баснословно дорогая, изысканная, люксовая — Джо прикупил ее по случаю продажи двадцати ящиков взрывчатки и собирался открыть на новоселье. Но открыл не он, а она, потому что ее новоселье, а точнее «выселки» из их бывшего дома уже состоялись.

«У тебя есть сутки, чтобы собрать свои вещи и умотать отсюда. Можешь предварительно выспаться и поесть, если хочешь...»

Какая душевная щедрость, какое благородство! Килли вернется через сутки и будет ждать, что его бывшая навсегда захлопнула за собой входную дверь. И Лин захлопнет. Только сначала выпьет за собственное «здравие», попрощается с местом, в котором жила или «пребывала в надежде на лучшее» последние два года, — еще раз пройдет по комнатам, посидит на диване перед выключенной плазмой, послушает гнетущую тишину. Соберется с силами и, наконец, поднимет глаза, чтобы встретиться с новой жизнью.

Новая жизнь, как девица, которая входит в дверь. Она может быть красивой, некрасивой, вульгарной или бранной, тихой, скучной, неприглядной, даже отвратительной, но тебе придется с ней ужиться. Придется съехаться вместе, выделить ей половину полка в шкафу и место в собственной постели и далее терпеть все, что она преподнесет. Потому что выбора нет — нет выбора. Потому что отнюдь не все начинают новую жизнь с понедельника или по

собственному желанию. Иногда эта самая жизнь входит в дом, не стучась и не здороваясь, и просто и по-свойски говорит: «Пойдем».

И пойдешь.

Это как со смертью — еще никто не отказался.

Перед тем как навсегда покинуть квартиру Джо, Белинда отпила из пузатой бутылки две стопки, остальное назло Килли вылила в раковину — алкогольная вонь при этом растеклась нестерпимая, — достала хлеб и колбасу, зло хлопнула дверцей старенького дребезжащего холодильника и нацарапала на обрывке бумаге короткую записку:

«Я любила тебя так же, как ты не любил меня». Затем приписала между «Я» и «любила» НЕ, осталась довольна и принялась обуваться.

* * *

Она ненавидела каблуки — уродский и неудобный выпендрож, придуманный для того, чтобы чьи-то ноги казались длиннее и чтобы мужские члены вставали быстрее.

«Мудаки, они все мудаки. И если с членом проблемы, то каблуки не помогут. Тупой аксессуар, чтобы привлечь мужское внимание, чтобы показать им — видите, я иду на каблуках, и, значит, я женщина! А без каблуков — не женщина?»

Белинда злилась — ей хотелось надавать Джо по роже. Только ради него она все это время одевалась в платья и юбки, расчесывала и укладывала волосы, натягивала на бритые ноги тесные капроновые чулки, складировала в ящиках кружевное белье и по полчаса накладывала на лицо раздражающий макияж. И что в итоге? Дождь, улица, спортивная кофта и натянутый на голову капюшон, джинсы и полуразвалившиеся, самые удобные в мире кроссовки.

«Да здравствуют кроссовки — обувь всего мира без разделения по половой принадлежности!»

Впереди, словно в назидание, по мокрому асфальту цокала шпильками элегантная молодая девушка в белом плащике, с модной сумочкой и в сапожках; когда мимо проехала дорогая машина и девушке просигналил водитель, Белинда фыркнула.

«Все одно и то же: мы выпендриваемся для них, но они никогда не выпендриваются для нас. Хотят, чтобы со свиньей всегда жила утонченная газель...»

Наверное, как раз одна из таких газелей собиралась жить в новой квартире с Джо, но Лин было в высшей степени на это наплевать. Все пустое, все позади. Она отомстила ему — пнула по яйцам, украв то единственное, что Килли боготворил, — деньги. Не очень, как она считала, большая плата за рассыпавшиеся в прах мечты.

Город мок и напоминал ей сырую кошку, глядящую на сероватый день из подворотни. Блестящие тротуары, смог от выхлопов, почищенная влагой листва — где-то на пороге, уже совсем недалеко, топталась осень. Все быстрее вечерет, все ниже температура, где-то в прошлом остались жаркие деньки, когда до магазина можно было выбежать в шлепках, гетрах и футболке. Прохожие кутались в кофты, натягивали вместо льняных брюк джинсы, доставали из шкафов плащи и ветровки. Вдоль тротуаров плыли над головами прохожих шляпки разноцветных зонтиков.

Носки в кроссовках пропитались влагой; Белинда быстро шагала вдоль по улице. Предпочтение большим и дорогим салонам она решила не отдавать — свернула в одном из

закоулков в простую парикмахерскую «Мужская стрижка за 10 долларов, женская за 12», спустилась в подвал по лестнице и почти сразу же уткнулась в стойку, за которой читала дамский журнал администраторша.

— Вам стричься?

Лин стянула с головы мокрый капюшон и стянула с хвоста резинку.

— Да.

— Покраска, сушка — что-нибудь интересует?

— Нет.

— Тогда проходите — мастер свободен. Вам сложную стрижку? Простую?

— Простую. Самую простую, какая есть.

— Хорошо, двенадцать долларов тогда.

Увидев, что с посетительницы больше не содрать, так как та ничем не интересуется, администраторша поскуцнела, вернулась к чтению глянцевого страниц, а Белинда прошла к одному из двух стоящих перед прямоугольным зеркалом кресел.

— Под мальчика?

— Да, под мальчика.

— Может быть, вы имеете в виду короткую женскую стрижку? Модельную? С перьями на висках, с филировкой, с мелированием кончиков?

— Под мальчика, — повторила Белинда глухо и бросила на обесцвеченную тетку с расческой в руках неприязненный взгляд. Та взгляд поймала и обиженно поджала губы — мол, я хотела, как лучше.

Мастер принялась остервенело жать на ручку пульверизатора, и каштановая голова Белинды тут же утонула в облаке из мокрых брызг — потекло по челке, векам и лбу, попало в глаза.

Хорошо, что не покрашены.

Заработала, продираясь сквозь длинные спутанные пряди, расческа. Чиркнув несколько раз ножницами, парикмахерша притормозила вновь.

— Вам... насколько коротко?

— Под мальчика, — Лин раздражалась все больше.

— Значит, совсем коротко?

— Совсем.

— Можно машинкой?

— Можно хоть бритвой.

Будто получив разрешение на проведение экзекуции без ограничения уровня боли, тетка уязвлено вздохнула — мол, сама напросилась, — щелкнула кнопкой на спинке изогнутого «Бартона» и принялась водить по затылку клиентки зубастой щеткой-наконечником; с шуршанием потекли вниз по накидке длинные пряди.

— И не жалко?

— Не жалко.

Разговоры Белинду не интересовали.

Каштановые с медным отливом прямые волосы, карие глаза и недлинные ресницы. Полукруглые брови, острый нос и такой же острый подбородок, средней толщины губы — если не накладывать макияж, Белинда напоминала себе неприметную и конопатую лисичку.

Конечно, с тональным кремом, тушью и стрелками на веках она смотрелась иначе — женственнее, — но себе нравилась и такой — неприметной.

И еще более неприметной ей следовало стать как можно скорее — Килли будет отслеживать ее с помощью записей с уличных камер и искать, конечно же, будет женщину. А она, одетая в кофту, джинсы, кроссовки, с рюкзаком за плечами (который никогда не носила при нем) и короткой стрижкой очень даже сойдет за тощего паренька. По крайней мере, надеялась, что сойдет. Да, сегодня ей требовалось везение, много везения.

Парикмахерша в процессе работы то и дело пыталась завести с хмурой клиенткой разговор, но та лишь смотрела исподлобья и демонстративно хранила молчание — «не лезь» шурились в ответ на «как вам погода?» темные глаза, «не лезь» — вторили упрямо поджатые губы. И тетка обиженно умолкала, но ненадолго, лишь для того, чтобы через пару минут вновь поинтересоваться тем, не желает ли посетительница полистать журнальчик — «у нас новые, свеженькие» или пристать с заботливым объяснением о том, где в этом маленьком чулане расположен туалет — «вдруг вам понадобится?».

Лин раздраженно жевала губы. Зачем приставать с болтовней, если видишь, что человеку не до тебя? Зачем навязывать лживую заботу, когда просят отвалить? Чтобы к тебе в конце концов повернулись, улыбнулись и сказали: «Какая ты хорошая/учтивая/внимательная?» «Лучше всех» — ведь именно этого желал услышать в жизни каждый? Всеми своими поступками, намерениями и действиями люди не желали ничего, кроме как услышать «я лучше всех, и, значит, лучше других — я самый-самый».

Вместо «ты самая-самая» Белинде хотелось ответить парикмахерше, что она «поганая болтливая черепаха», которая вот уже пятнадцать минут копается с волосами, когда могла бы обрить две или даже три башки наголо за то же время. Нет, нужно аккуратно обрывать затылок и виски, нужно все-таки взять филировочные ножницы и кропотливо выстригать «перья» на челке.

— Я тороплюсь.

— Я уже почти закончила.

— Не нужно филировку. Срежьте ее!

— Всю?

Недостриженная челка, ожидая своей участи, сиротливо застыла между короткими пухлыми пальцами.

— Всю!

— Но...

— Я сказала, что тороплюсь!

Наконец-то зеленоватые глаза в обрамлении густо накрашенных ресниц вспыхнули гневом, и злополучную челку тут же безжалостно срезала машинка.

— Все!

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Они прощались, как враги.

Лин, не глядя на себя в зеркало, поднялась, брезгливым жестом скинула с себя накидку, а парикмахерша, повернувшись объемным задом к посетительнице, принялась сметать щеткой с пола остриженные волосы. И даже зад, не говоря уже о выражении лица, обесцвеченной женщины-мастера, выражали глубочайшее презрение к клиентке-грубиянке.

«Ну и пошла ты!» — витало в пропитанном запахами лака, шампуней и аммиака

воздухе.

«И тебе доброго дня, — промолчала Белинда. — Нехер было лезть».

* * *

От парикмахерской до вокзала четыре квартала пешего хода, и их Лин шагала нарочито медленно. Не садилась в автобус, не спешила, хоть и желала сорваться на бег, заставляла себя не оглядываться.

«Веди себя, как пацан. Как спокойный прогуливающийся пацан».

Спокойствия внутри не было. В горле стоял прогорклый вкус спрессованного страха, безнадёги и желания поплакать. Она поплачет, да, но не сейчас, а когда доедет до конечной точки, где бы последняя ни находилась, — когда уедет далеко-далеко отсюда, когда вдруг отпустит навалившаяся на плечи паника «а вдруг Джордан вернулся раньше и уже идет следом?», и неотвратимым и отравленным лезвием войдет в душу правда — полное осознание того, что все безвозвратно изменилось.

Хотелось позвонить Кони, но Белинда лишь крепче впивалась пальцами в лямки рюкзака и переставляла по лужам деревянные ноги — левой, правой, левой, правой. Кони звонить нельзя — звонком Лин подставит подругу. Да и что она скажет ей? «Я ukrала его деньги и теперь в бегах?» Кони ужаснется, но поймет. И, быть может, даже попросится следом, но так нельзя, ни к чему, неправильно — дополнительный риск, разделенный на двоих...

Стриженная голова казалась слишком легкой и постоянно мерзла, хотелось провести пальцами по мокрому и короткому, оставшемуся после длинных прядей ежику, а еще все-таки хотелось выть — волос, несмотря на то, что Белинда наговорила парикмахерше, было жалко.

«Ладно, отрастут», — убеждала она себя, однако увещевания не помогали. Ножницы будто оставили на душе шрамы — болезненные напоминания о том, что больше никогда и ничего уже не будет, как прежде. Ножницы странным образом лишили ее не только шор на глазах, но и «мозговой» девственности. Срезали тупизну лживых несбыточных надежд и еще сильнее обнажили кровавую правду: Лин уезжает из места, которое любила. Насовсем. Навсегда.

Мерзла голова, мерзли промокшие насквозь ноги. Мерзла душа.

Совсем тоскливо ей сделалось, когда до вокзала, откуда в разных направлениях расходились десятки дорог и блестящих рельсовых полос, осталось всего метров двести. Уже высилось перед глазами двухэтажное бетонное здание, шныряла тут и там разношерстная толпа с сумками, у бетонных парапетов курили мужики с обветренными лицами; с остановки, откуда отправлялись автобусы обратно в город, под стеклянной крышей прятался от дождя народ.

Путь обратно в город для нее закрыт. Добравшись сюда, Лин будто пересекла невидимую черту и осталась совсем одна — одна на полотне судьбы, одна в огромном мире, над которым на многие километры вокруг движутся в неизвестность тяжелые серые облака. Вот и она, как облако, скоро отправится в неизвестном направлении. Где закончит путешествие? Где оседет? Зачем? И что по прибытии в новое место будет ждать ее?

Теперь ей хотелось не плакать — реветь, но она никогда не ревела. Не позволит себе и

сейчас, когда руку протягивает щербатая попутчица — та самая незваная новая жизнь, — давай, мол, пошли уже — чего торчишь?

Длинным гудком прокричал вдали состав; ему, набирая ход, вторил еще один.

— Давай, мы опоздаем на автобус! — подстегнула набрать скорость одетая в бежевую куртку девчонка своего долговязого попутчика.

О Лин запнулся, невнятно извинился и посеменил прочь тощий мужик в промокшей фетровой шляпе.

Очередь в кассу двигалась медленно, и это бесило.

Помигивало лампочками на стене электронное табло расписания рейсов, гудел хором из сотен голосов просторный и запруженный холл, смеялись и похлопывали друг друга по плечу хорошо одетые, стоящие впереди нее коллеги-бизнесмены.

На мужиков Белинда не смотрела — она смотрела по сторонам и кусала губы. Куда податься? В далекий город, в близкий? Поездом или автобусом? Наверняка Джо попытается мыслить, как беглянка, или же, наоборот, попробует предположить, каких мыслей Лин будет избегать, и, значит, мыслить самостоятельно она не будет — всецело положится на удачу и чужое мнение. Например, мнение кассирши или любое название населенного пункта, которое услышит первым.

Дурной подход, ведь это все равно, что кидать на игральный стол кости в надежде, что тебе выпадут две парные семерки. Удача, удача, сраная удача... На что полагаться — логику, эмоции, случайность? Одно Белинда знала наверняка: она не должна пойти на поводу у паники.

«Думай, девка, думай...»

Думать удавалось плохо. Народ спешил, будоражил мысли, отвлекал. Вот дед с бабкой волокут за собой сумку с шатающимся колесом — у бабки на голове платок, дед едва переставляет ноги — зачем им вообще куда-то ехать? Вот две подружки — судя по ярким чемоданам и хорошему настроению, эти катят на море — «удачи вам, хохотушки, наплавайтесь там за меня». Может, ей тоже на море? Вот только прибрежные зоны дорогие, а ей бы уединение — местечко тихое и затерянное на карте. Бизнесмены бесконечно бубнили про бумаги, отчеты, про то, что сразу по приезду отправятся в ресторан «Морна Тэ», где один из них уже побывал... Чужая жизнь, чужие цели и планы.

Бесконечно медленно, как хромая на обе ноги лошадь, очередь, наконец, доползла до окошка кассирши, и сквозь прозрачную перегородку на Белинду взглянули равнодушные глаза девушки-продавца.

— Куда вам?

Лин вдруг поняла, что так и не определилась с направлением.

— Куда идет ближайший... — поезд? Автобус? Лучше автобус, — автобус?

— В Дорнвуд.

Белинда едва не сматерилась — только туда ей не хватало. Как раз, чтобы повстречаться лицом к лицу с Килли.

— А следом за ним?

— Женщина! Следом за ним с разницей в несколько минут отходят автобусы в двадцати направлениях — вам все перечислить?

Горло свело нервным спазмом.

— На любой из них.

— Вы хотите, чтобы я за вас решала? Думаете, я за этим тут сижу?

Очередь колыхалась и волновалась, как море, — очередь не любила, когда кассиршу задерживали глупыми вопросами.

— Пожалуйста, на любой. Выберите, — тихо попросила Белинда, и девушка какое-то время ошалело смотрела на нее сквозь стекла круглых очков.

Наверное, она хотела сказать «Вы достали со своими заскоками! Я продаю билеты туда, куда меня просят, а не куда случайно ткнут мои пальцы на клавиатуре...» Наверное, ей хотелось сказать это или что-то другое — что-нибудь непристойное, — но покупательница так молила продавщицу глазами, что та, выждав еще несколько секунд, вдруг спросила:

— В Ринт-Крук подойдет?

— Это город? Большой? Далеко?

Накрашенные губы неприязненно поджалась — слишком много вопросов; очередь за спиной колыхнулась сильнее.

— Триста километров на север. Город небольшой. Брать билет будете?

— Буду, — обреченно кивнула Белинда и потянулась к рюкзаку.

Отчаяние с новой силой нахлынуло уже в автобусе, по стеклам которого ползли неровные мокрые дорожки. Белинду вдруг затошнило от волнения и страха — она уезжает, уезжает навсегда. Попрощаться бы с Кони — так было бы честно, — но позвонить с вокзального телефона-автомата возможность упущена, а со своего нельзя — Килли отследит звонок. Мелко тряся салон; в двери протискивались, предъявляя билеты контролеру, последние пассажиры — автобус в неизвестный ей Ринт-Крук собирался отправляться через несколько минут. Перед глазами спинка чужого кресла и чужая макушка, а на душе пустота.

Не повезло и с соседом. Не успел пожилой упитанный мужик опуститься рядом, как из небольшой сумки тут же явились на свет прихваченные с собой банки с салатом, вонючим овощным рагу и крошащимся прямо ему на колени хлебом — мужик, чавкая и причмокивая губами, принялся уминать ланч.

«Дома пожрать не мог? — хотелось недобро спросить ей. — Обязательно вонять на весь автобус едой? Не один ведь едешь...»

Она бы и процедила, но сдержалась. Люди всегда ее раздражали, все без исключения, потому что у всех без исключения маршрутировали толпами в башке тараканы. У молодых, старых, красивых, некрасивых, интеллигентных, у быдла. За всю свою жизнь она не встретила практически ни единого человека, который не нервировал бы ее: поведением, манерами или способом выражаться. Одни ныли, другие красовались, третьи поливали дерьмом все подряд и постоянно искали единомышленников, четвертые бесили высокомерием и эгоизмом. Неужели нет таких, у кого все в норме? Нет, она вовсе не считала, что все в норме у нее самой, — Белинда страдала от слишком прямолинейного характера и зачастую не умела тактично скрыть своего мнения, но она хотя бы была честной. А все вокруг лживыми. Да, практически все...

Чавканье соседа отвлекало от мыслей, а нервозность нарастала. Из закуской Белинду уволили месяц назад с пометкой «за грубое отношение к клиентам» (ну и пошли вы в жопу — она всего лишь сообщила очередному жирняку, что тому не стоит заказывать сразу четыре сэндвича со свиной, так как он сам уже почти «свиной»), и с тех пор с Кони они виделись нечасто, но подруга будет ее искать. Будет звонить, волноваться, переживать — возможно, даже обратится к Килли с просьбой отыскать внезапно потерявшуюся Лин, а

этого нельзя допустить — не нужно ему ее искать. Вдруг Джо заметит пропажу денег не сразу и вдогонку не кинется? А Кони точно ускорит процесс...

— Вы можете дать мне телефон?

Руки Белинды мелко дрожали; сосед перестал жрать и посмотрел на женщину, глаза которой лихорадочно блестели.

— Дайте мне телефон — я сделаю один звонок. Заплачу вам пару баксов, если надо. Мой сел, а это срочно.

Мужик вытер рот тыльной стороной конопатой ладони, осторожно вытащил из кармана пиджака выдавший виды сотовый и молча протянул ей.

— Спасибо. Я быстро.

Закрылись двери; автобус начал сдавать назад для разворота.

Номер она помнила наизусть. Когда ей ответили, Лин сбивчиво затараторила:

— Кони? Привет, это я. Слушай, я... поругалась с Джо, я уезжаю. Что? Нет, сильно поругалась, не помиримся. Приехать к тебе не могу, я уезжаю из города. Куда? Не могу пока сказать, ладно? Потом, я потом перезвоню — ты только не говори ему ничего, вообще ничего, хорошо?

На том конце волновались и переживали, на том конце сыпали вопросами, но Белинда отвечала коротко и постоянно повторяла: «Не теряй. Я потом найдусь. И ничего не говори Килли...»

За окном, потонувший в дождевой дымке, плыл запруженный машинами проспект Дарля — в этот серый полдень, сидя в кресле с номером шестнадцать, Лин смотрела на него в последний раз.

Мелкая тряска, бесконечные повороты, капли на лобовом стекле, вяло движущиеся туда-сюда дворники, низкое траурное небо до самого горизонта. Мокрые поля, леса, луга; глядящий вперед водитель, посапывающий сосед.

Белинда пустым взглядом смотрела в окно. Наматывали километры по мокрому шоссе колеса, уносились прочь прежняя жизнь, а впереди ждала неизвестность. Неизвестность — она хуже всего остального. К знанию о плохом можно привыкнуть, подготовиться, пережить заранее; неизвестность пережить заранее нельзя.

Крутился в памяти их последний разговор, всплывало перед глазами жесткое и уже равнодушное лицо — когда они сделались чужими? Почему люди вообще становятся чужими, в какой момент? Кто виноват — он, она? Оба? Видит Создатель, она старалась. А он?

Да и был ли смысл размышлять?

В какие-то минуты ей думалось не о плохом, а о том моменте, когда они только встретились — тогда Килли улыбался и казался ей настоящим красавчиком. Веселые глаза, широченная улыбка и крепкий привлекательный торс. Джо однажды пришел в закусочную и сразу же похитил ее сердце — увел его с собой на невидимом поводке, заклеил взглядом «моя», и Белинда вдруг стала его — начала ждать незнакомца на завтрак, обед и ужин. И он почему-то приходил: садился за дальним столиком на красный диван из кожзама и отсылал назад всех, кто к нему подходил, если то была не она — не Лин. Тогда она почти впервые в жизни почувствовала, что нужна. Хотя бы кому-то. И за это новое дивное ощущение была готова подарить мужчине с серыми глазами и беспокойной шевелюрой целый мир. И дарила, как умела.

Но, видимо, не умела, раз снова поля, леса, дождь, храпящий сосед, равнодушный водитель и дорога в никуда.

Мечь не ощущалась ни сладкой, ни горькой. Мечь — это просто мечь, и иногда она необходима для самоуспокоения и для того, чтобы научить другого не быть скотиной. Научится ли Джо? Маловероятно. И он однозначно бросится в погоню, вопрос лишь — когда?

Думы о хорошем исчезли, стоило включиться «херне» — так Белинда называла собственный мозг, «думалку», когда та вдруг начинала протраивать варианты будущего — один другого страшнее.

Что, если Джо приехал домой раньше и уже кинулся за ней в погоню? Может, уже прокрутил записи с видеокамер и понял, что тощий стриженный пацан и есть его «бывшая»? Вот он посмеется... А что, если машина Килли уже несется вслед за ее автобусом... Что, если...?

Свою собственную «думалку» Белинда ненавидела куда сильнее других людей. Иногда ей казалось, что в голове живет инопланетянин — подселенец, который изводит ее страхами, рисует жуткие картины и постоянно предполагает худшее. Интересно, это у всех так или только у нее? Зачем постоянно мыслить о дерьме, когда вокруг его и так хватает, но не думать она не могла — «херня» не отключалась.

Вот и теперь все то время, пока Лин пыталась дремать с закрытыми глазами, «думалка» измывалась над ее воображением: *«А что он сделает с тобой, если догонит? Изобьет? Убьет?... Еще эта бутылка в серванте — почему ты ее не оставила? Ты виновата, Лин, сильно виновата, и он будет злой...»*

Для того чтобы заглушить голос, она была готова окунуть череп в кадку с ледяной водой, напиться, нанюхаться кокса, вышибить собственный мозг кувалдой, и «херня», зная о том, что ее не отключить, лишь хохотала внутри стриженной под ежик головы.

Приземистое одноэтажное здание, отсутствие людей у входа и единственный автобус на парковке — тот самый, на котором она приехала. Ринт-Крук действительно оказался маленьким, если не сказать крохотным. От вокзала к городу уходила одна-единственная улица — не заблудишься, — на парковке стояла пустая машина такси. Видимо, водитель в отсутствие работы протирал штанами стул соседнего бара или зашел в помещение, чтобы отлить.

Вместе с Лин во влажный туманный воздух вышло лишь несколько пассажиров — оказывается, это место не являлось конечной точкой по пути следования — далее автобус направлялся куда-то еще. Она не стала выяснять, куда, потому как чертовки устала: всего триста километров, а они пилили почти шесть часов, кружа между холмами, и из-за большой головы Лин почти не поспала. То тряска, то бесконечные торможения — ремонт дороги, — то собственные мысли — все это лишало покоя. И вот теперь она стояла здесь — в забытом Создателем городе, затерявшимся между горами.

Холмы и правда выросли — лишь триста километров, и такая разница в ландшафте. Пембертон, который она покинула этим утром, лежал на равнине, а его сосед по географической карте мог похвастаться не только более дикими пейзажами, но и иной растительностью — склоны облепило множество хвойных деревьев, и оттого запах стоял сырой, густой и ароматный.

Блестели под ногами лужи, дождь закончился; за покрытые соснами вершины цеплялись низкие рваные, похожие на распавшихся призраков облака.

Хорошо, тихо. Точнее, было бы хорошо, если бы Лин приехала сюда на пару дней отдохнуть.

Но она приехала сюда спрятаться. Если повезет.

Вышедшие вместе с ней из автобуса пассажиры давно растворились в конце улицы, а она все стояла у угла под навесом, глядя на горы. Уехал автобус, вновь начало накрапывать; Белинда курила вторую сигарету подряд — надолго задерживала в легких дым, почти не делала паузы между нервными затяжками.

Что, если город окажется совсем маленьким? Настолько, что и не затеряться? Значит, завтра снова в путь? А что, если ее запомнят здесь и потом опишут Джо, ведь в крохотных поселениях любят незнакомцев и сплетни? А что...

Лин усилием воли заставила «думалку» умолкнуть — та задолбала своими вечными «а что, если...». Вот появятся проблемы, тогда будет их решать, а то ведь даже величественным видом насладиться не может — смотрит на него и не видит.

«Видеть будешь позже. Когда уедешь, спрячешь деньги, заляжешь на дно. А пока давай — переставляй ноги! Стоять и фанить будешь позже!»

Гребаная голова! Неужели она сама — Лин — все это думает? Сама себя стегает, сама себя ненавидит, постоянно подгоняет по заду плеткой? Кто бы объяснил, по какому принципу работает человеческое тело? Не может быть, чтобы такие противные мозги принадлежали ей самой — это точно «подселенец».

Окурок пришлось бросить. Доводы, нравились они ей или нет, все же были верными. Следовало спешить.

Отель в Ринт-Круке — она могла бы догадаться и сама — нашелся тоже в единственном экземпляре. Неприметный, расположенный в нескольких домах от станции: с парковочным местом на целых пять машин, с продолговатым «амбаром», одна стена которого состояла из дверей в апартаменты. Администратор с ключами дневал в домике по соседству.

— День добрый, путешественни..., — «к»? «Ца»? Начавший свою приветственную речь немолодой мужчина за стойкой не смог ее закончить, так как не понял, субъект какого пола перед ним находится. Кофта, широкие джинсы, короткая стрижка и рюкзак... Мужчина, женщина? — Простите, я лишь хотел пожелать доброго дня.

Белинда фыркнула. Сейчас он догадается, что она женщина, — голос не спрячешь, а говорить басом она не умела.

— Добрый. Нужен номер.

— Надолго?

В голове принялись роиться сомнения — насколько задержаться в Ринт-Круке, на день? Или на несколько?

— Пока на сутки. Там видно будет.

— Как скажете. Одноместный номер у нас стоит сорок три доллара — вам подойдет? В нем есть душевая, телевизор, полутороспальная кровать, фен и исправный кондиционер. Интернет и завтрак в стоимость не входят.

— Подойдет. А где здесь можно поесть?

Захваченные из дома бутерброды, уподобившись соседу, Лин сжевала, глядя в утыканное бусинами-каплями окно автобуса.

— Вы у нас впервые?

Вопросы Белинде мешали, как гвоздь в ботинке, — разжимать челюсти не хотелось, но пришлось.

— Впервые.

Не соврешь ведь, что повторно, если совсем ничего не знаешь?

— О, вы, наверное, приехали посмотреть достопримечательности? Если так, я дам вам карту пеших троп и несколько брошюр — они сориентируют вас в том, чем именно славен наш город.

— Благодарю.

— Могу я взглянуть на ваше удостоверение личности?

Ей хотелось сматериться — стоило подумать об этом раньше. Заказать где-нибудь фальшивый паспорт на чужое имя и использовать его для передвижений, но — Создатель-свидетель — она не думала, что уедет так скоро...

«Тогда не стоило ни. ть деньги...»

«Заткнись!»

Вечный спор Белинды-один и Белинды-два. Да, она много о чем не подумала заранее, и что теперь — повеситься на люстре в этом зачуханном холле?

Мужчина за стойкой, наблюдая за тем, как меняются выражения на лице посетительницы, пояснил:

— Я всего лишь взгляну — это для заполнения формы. Даже ксерокопировать не буду.

Черт, нужно было настоять на чужом имени. Соврать, что потеряла документы, что при себе ни паспорта, ни водительского удостоверения, но Лин вдруг почему-то сдулась. Растерялась, поняла, что чертовски устала и уже не способна ни на правдоподобную ложь, ни на то, чтобы предложить администратору взятку. Просто потянулась к рюкзаку и достала

документы.

— Спасибо, мисс.

«Пожалуйста, говнюк. Теперь ты, а, значит, и все остальные, знаешь мое настоящее имя».

И, значит, задерживаться здесь точно нельзя. Завтра. Она уедет отсюда на рассвете, доберется до населенного пункта побольше, а там позаботится о том, чтобы заполучить поддельные документы.

Администратор неторопливо заполнял бумажную форму, а Лин в ожидании переминалась с ноги на ногу. И уже тогда, когда она была готова рыкнуть: «Ну, долго мне еще здесь стоять?», ей протянули обратно паспорт и ключ от номера.

— Ваша комната номер шесть, мисс Гейл.

— Спасибо.

— И вам. Чудесного денька в Ринт-Круке.

— Благодарю.

Дверь наружу выпустила ее с мелодичным звоном колокольчика, прикрепленного над дверью.

* * *

(Cody Crump — Burn)

Комнату Белинда невлюбила с первого взгляда — узкую, полутемную, отделанную, как шпюшачий будуар, в бордовых и персиковых тонах.

В Ринт-Круке не нашлось дизайнера интерьеров? Конечно, не нашлось. Скорее всего, апартаменты обставляла по собственному вкусу жена или любовница администратора. А еще более вероятно — он сам.

— Тьфу.

И здесь ей предстояло коротать вечерние часы и ночь.

Похер. Всего одна ночь, а утром женщины по имени Белинда Гейл и след простынет. Тот самый след, который унюхает и по которому понесется, как поганая адская гончая, Джордан.

Или уже понесся.

Болела голова, настроение упрямо продолжало крениться к отметке «рвотно-болотное» — пришлось вывернуть рюкзак наизнанку, высыпать все его содержимое на покрытие шелковым и оттого скользким оранжевым покрывалом кровать и отыскать таблетки. Слишком жесткий блистер оцарапал палец; пластиковый стакан нашелся в ванной — Лин разжевала таблетку, запила ее глотком проточной воды и посмотрелась в зеркало.

Лучше бы не смотрелась: почти лысая голова, темные круги под глазами, затравленное и жестко-упрямое выражение лица — не женщина, а угрюмый звереныш-подросток, едва унесший ноги от своих же, норовящих его покусать дружков.

Ну и жизнь.

Комната на ночь, незнакомый город за окном; куда идти, чтобы купить продуктов? Полная неизвестность. Ей хотелось свернуться на кровати клубком, крепко-крепко обнять себя за колени, уснуть и проснуться где-нибудь еще — в чужом теле, в чужой жизни — там, где светло и солнечно. Где не нужно никуда бежать, где кто-то любит, где хорошо, где

известность...

Но есть то, что есть.

Отвернувшись от зеркала с выражением отвращения на лице, Лин вернулась в комнату и присела рядом с кучей барахла, которую минуту назад извлекла из рюкзака. Сверху, прикрытая капроновым носком, лежала перетянутая тонкой резинкой, пачка денег — ее куш. Интересно, сколько здесь? Она вытащила ее из стола Килли, но не пересчитала купюры.

Носок в сторону, резинка на пол — зашелестели в пальцах мятые долларовые банкноты. Спустя какое-то время раздался облегченный и одновременно разочарованный вздох.

Сто сорок пять тысяч.

Много. И мало.

Много, потому что эту сумму она ни в жизнь не заработала бы сама. Мало, потому что ее хватит лишь на билеты, фальшивые документы, а после на то, чтобы какое-то время снимать или же купить простенькое жилье на окраине какого-нибудь города. Крохотную однокомнатную квартирку с сомнительными удобствами — комнатушку. И на еду.

И вновь — что есть, то есть. Выбирать не приходилось: вокруг не солнечная жизнь в теле какой-нибудь красавицы Элоизы Мидлтон, у которой изумительной красоты любящий мужчина, великолепный особняк в центре столицы и на счету миллионы. Она — Белинда, вокруг сраная бордовая комната, в запасе сто сорок пять штук, а желудок сводит от голода. И не свернешься клубком, чтобы отдохнуть, потому что, если свернешься, заколебет или желудок, или собственная голова — неизвестно, что хуже. И пока упомянутая недобрым словом «херня» не включилась, Лин быстро запихала вещи обратно в рюкзак, бросила сверху деньги — помедлила, зачем-то вытащила из пачки тысячу долларов, долго мозговала, куда ее припрятать, затем, осененная идеей, сунула за плоский экран приделанного к стене телевизора. Осталась довольна — деньги крепко сидели за крепежным механизмом.

«Незачем держать все яйца в одной корзине» — дурацкое выражение, но верное. Остальное здесь оставлять опасно — лучше взять с собой.

И да, когда-нибудь, когда она достигнет конечной точки своего путешествия и обустроится на новом месте, то положит деньги в банк. Чтобы никакой ловкий пройдоха не спер, чтобы уже наверняка.

Все, теперь за дверь, чтобы отыскать что-нибудь съестное и закинуть в «топку».

Для побега нужны силы, для размышлений нужны силы, для отдыха тоже нужны силы. Для всего, сучье вымя, на этом свете нужны силы.

* * *

Холодильника в номере не оказалось, и потому взять в тесном, похожем на утыканный полками с провизией склад, магазине пришлось лишь то, что не испортилось бы за сутки: хлеб, сыр, банку с куриным паштетом, небольшую упаковку сока, бутылку с питьевой водой и слоеные крекеры. Когда в пластиковую корзину отправилась и маленькая шоколадка, кудрявая немолодая женщина на кассе одобрительно кивнула:

— Эти хорошие. Вон те, в коричневой упаковке горьковатые, хоть и с орехом, а эти — хорошие. Сладенькие.

Как будто Лин нуждалась в чужом мнении по поводу шоколада.

«Экспертша, блин».

Как вообще можно навязывать свое мнение, когда вкусы разные? Может Белинда любила все исключительно горькое и совершенно «несладенькое»? А если бы она взяла другую — ту, что в коричневой упаковке, — тоже бы получила льстивое одобрение? Или же скрытый в глазах упрек?

Хреновы люди. Всегда лезут.

— С вас десять долларов и двенадцать центов.

Центов в кошельке не нашлось, пришлось менять сотню.

В ресторан ей хотелось больше, чем в магазин, но рассиживаться над горячим, пусть и вкусным стейком на глазах у жителей Ринт-Крука не хотелось — поползут слухи. Возможно, кто-то пристанет с расспросами, пожелает завести новое знакомство; маленькие города — они такие. Липучие. Конечно, на мягком стуле, с нормальными столовыми приборами в руках и с бокалом вина ужинать куда приятнее, но придется снова — не в первый и не в последний раз — потерпеть.

Не страшно, обойдется сухим пайком. Вернется в номер, посмотрит телевизор, повалится на кровати, поспит, в конце концов. А утром первым же рейсом выдвинется прочь отсюда — зря только не посмотрела на расписание, пока курила у здания вокзала.

На пожелания «доброго вечера» Белинда лишь кивнула, плотнее сжала губы, подхватила пакет за шуршащие ручки и отбыла обратно на улицу — в сырой синеватый вечер, в очередной раз мочить неоднократно уже промоченную за долгий день кофту.

Немой и невкусный ужин.

Бубнящий о пользе лосьонов для рук телевизор. Тупой спортивный матч с обилием рекламы на одном, сопливый сериал на другом и нудный диктор на третьем — всего три канала. При нажатии на кнопку пульта «четыре» экран мельтешил — что за дыра?

Датчика дыма она не нашла и потому перед сном закурила прямо в номере — лишь приоткрыла окно. От вида занавешенной пеленой дождя улицы воротило. Снова мокнуть, смотреть на горы и как льет с крыши, чувствовать себя подгнившим листом, упавшим в холодную стремительную реку? Нет, спасибо. До утра вонь из номера выветрится, а, если не выветрится, то пусть администратор сам проветривает «будуар» — с него станется.

За сорок три-то доллара.

И не забыть бы утром про заначку.

Лин хотела, было, встать, чтобы достать банкноты из-за телевизора, но поленилась — заберет утром. Забудет? Никогда. Забыть можно обо всем: собственной гордости и чести, о желаниях, мечтах, друзьях, о том, кем когда-то был и кем хотел стать. Обо всем. Но только не о деньгах.

И потому она погасила надоевший телевизор, дотянула сигарету до фильтра, поднялась, выбросила ее в окно, после чего приоткрыла дверь и похлопала оконной занавеской, пытаясь выгнать дым наружу.

Интересно, где сейчас Килли? Вернулся? Уже был на складе или еще не был?

Итак, «херня» снова включилась.

Создатель свидетель — она не хотела, чтобы все закончилось именно так — словами «выметайся», зло захлопнутой на прощание дверью и кражей. Не хотела и почти тяготилась содеянным. Клокотала внутри ярость, требовавшая справедливости, бурлила горной рекой обида, впадала в пруд печали, разливалась по венам бесконечным чувством вины.

Где и когда она оступилась? Он хотел, чтобы она держала квартиру в чистоте, и она держала. Следила за внешностью? И Лин следила. Тратила последние деньги на красивое белье и обувь, каждый день брила ноги и подмышки, пользовалась целым арсеналом косметики и парфюмерии, лишь бы нравиться ему, лишь бы они не отдалялись.

Отдалились.

Когда?

Килли ведь не всегда был таким — моральным уродом, в которого превратили его большие заработки. Тогда, в самом начале, когда у него была своя автомастерская, а у нее привольная жизнь официантки, наполненная вечерами с подругами, пенным пивом и женской болтовней, они оба были другими. Нормальными. Встречались, мечтали о будущем, не тяготились отсутствием возможности набивать желудки гурманской едой, ценили общность интересов, обожали валяться на кровати и хохотать над дурацкими шутками, которыми развиздьяская башка Джордана вечно была полна.

Тогда он часто улыбался.

После — нет. Связался с оружием и начал все больше молчать, хмуриться. Полагал, что занялся «крутым» бизнесом, заматерел, но на деле скурвился, заржавел сердцем.

Прогнил.

Чужая беда еще никому не приносила счастья, а оружие — это беда. Так считала она, но не он. И начались ссоры.

«Отвали, Лин... Не читай мне нотаций... Ты можешь просто помолчать, Лин?»

Дальше хуже.

«Где моя жратва? Не твое дело, почему задержался. И я устал... Дай мне поспать».

Отвали, отвали, отвали. Слишком много «отвали».

Незадолго до сегодняшнего дня Белинда уже знала, что они разойдутся. Они потеряли что-то важное — соединяющую их нить. Она не знала, какие именно слова прозвучат в конце и когда. Кто их скажет — он, она? Сказал он — жестокие, обидные, болезненные.

Интересно, а она красивая — его новая пассия? Большую ли квартиру он купил? В каком районе?

Мысли текли, и остановить их было невозможно. Темный потолок, занавешенный оконный проем, черный прямоугольник выключенного телевизора; несмотря на усталость, сон не шел — с новой силой заметались в голове страхи: *а если он уже обнаружил пропажу? Администратор выдаст ее, не задумываясь, — Джордан умеет быть обаятельным и убедительно врать. Баба в магазине тоже ее запомнила...*

Давила стенами незнакомая и неудобная комната. Давило ощущение отеля — холодного чужого дома с рядом дверей и похожих друг на друга, как две капли воды, номеров. Здесь было противно жить — на данном этапе ей было бы противно жить везде...

— *Это внутри, Лин... Ты сама виновата. Ты сама совершила то, от чего теперь бежишь. Он все еще мог бы быть твоим, если бы ты больше молчала, чаще поддерживала его и улыбалась.*

Но она не могла улыбаться: улыбаться означало наступать себе на горло всякий раз, когда хотелось сказать гадость. Нет, не гадость — правду. В последние недели Килли не улыбался тоже — только когда выпьет. А пил он все чаще — дорогое вино, коньяки, портвейны. Он почти что сделался алкоголиком, но она терпела, потому что пьяный он вдруг делался добрым и как будто снова любил ее.

— *Дура. Ты всегда была полной дурой — верила его лживым словам, но не верила*

собственному сердцу.

— Заткнись.

— Я-то заткнусь. Только ситуацию уже не исправить.

— Тогда какого хрена меня теперь пилить? — вопрошала она внутреннего ментора, постоянно изводившего ее упреками.

— Если сейчас не пилить, ты так дурой и останешься...

— Что ты пилишь? За что?

— Потому что все могло быть иначе...

Могло... Могло... Могло. Белинду начинали душить слезы.

— Ты сама виновата.

— Уже слышала.

— Дура...

Сранный подселенец в ее голове вновь принялся за любимую работу — изводить, насилловать логичными доводами, упрекать. Сколько же можно? Зачем? Как остановить мысли? Она не виновата, не виновата, не виновата... это все Килли!

— Конечно, на другого проще свалить...

Лежа в холодной постели, не способная ни заснуть, ни остановить поток изъедающих душу мыслей, Белинда накрыла голову подушкой и зажмурилась.

Хватит. Хватит! Хватит!!!

Снаружи молчал город Ринт-Крук. Снаружи монотонно капало.

* * *

Это случилось в два... в три ночи?

Она не слышала ни того, как снаружи подъехала машина, ни того, как отошел в сторону хлипкий язычок дверного замка, — измотанная, слишком крепко заснула. А проснулась уже тогда, когда в темноте с нее вдруг резко сорвали одеяло, дернули за плечо, стащили за руку на пол, а после сразу же ударили по лицу — Белинда вскрикнула, осела, почти мгновенно ослепла от боли.

— Думала удрать, сучка?

Килли!

Ее сразу же начали пинать. Она стояла на четвереньках возле кровати, хрипела, сипела и, чтобы не распластаться по полу, силилась держаться, опираясь на ладони. А удары сыпались один за другим — по голове, по ребрам, по бедрам, коленям, в живот — страшные и без перерыва.

— Деньги мои присвоила, тварь? Решила, что и тебе причитается, Лин? А вот и нет! Нет, слышишь, тварь? Ни цента тебе не причитается!

Белинду тошнило от ужаса. Килли был не просто пьян — он был не в себе. В комнате находился кто-то еще, но она не видела, кто именно, — его друзья? Перед глазами плавали пятна, в голове расцветали адские маки, от каждого нового пинка желудок превращался в камень и грозил вывернуть скудный ужин на ковер; из носа полилась кровь.

Только бы не сломал что-нибудь... Ребра, зубы...

— Видали, как побрилась? И раньше была не красавица, а теперь так вообще... тьфу!

Джордан в свете ночника разглядывал и грубо вертел ее стриженую голову, насмехался

прямо в ухо.

— Думала, не разгляжу на камерах? Не узнаю? И не разглядел бы сразу, но ты прокололась, сучка. Ты, как всегда, прокололась — ты позвонила Кони! Полагала, не отслежу чужой телефон? Дура! Дура! Ты всегда была дурой!

И ее вновь принялись пинать — поплыла перед глазами комната.

Он был пьян, он был зол, он жаждал ее крови, а потом бил не для мести, а на убой. Не способная более ни слышать насмешки, ни даже толком различать интонации голоса, Лин молилась только об одном — лишь бы не убили. Ей не хочется, совсем не хочется закончить жизнь в этом номере, лежа в луже собственной, вьевшейся в выцветший ковер крови. Не здесь, не в Ринт-Круке, не сейчас...

Только не убей, не убей...

— И еще и потратить часть успела...

При каждом касании носка его ботинка Белинда мысленно визжала от ужаса, ожидая, что сейчас — вот прямо сейчас — внутри треснет и вопьется в плоть одна из костей... И тогда все — внутреннее кровотечение, тогда она не сможет двигаться, тогда навсегда, быть может, останется калекой. Холодно. Ей почему-то становилось все холоднее — открыта дверь? Воображение играло с ней злую шутку — это все не с ней, это сон, ужасный сон... Вот только во сне не бывает так больно, она бы давно уже проснулась. И тогда в мозг заново врывается реальность — ее нашли, догнали, ее сейчас убьют.

— Не бей...

— Что?

— Не бей!

— Сипишь еще, пакость мерзостная? А не сипела, когда больше штуки баксов потратила? Сама зарабатывала их?

— Не бей...

К этому времени она уже лежала на полу с разбитым ртом, носом, отеками веками и распухшим, как ей ощущалось, телом. От боли ни вдохнуть, ни выдохнуть, а запал Килли все не спадал, хотя теперь он ее уже, кажется, не бил — зло перебрасывался фразами с друзьями, решая, что делать дальше — оставить в живых или прикончить?

— Она нас знает. Донесет...

— И пусть доносит. Кому ей доносить?

— Сама вернется, чтобы мстить. Бабы — они такие...

И громкий хохот сразу после.

— Бабы? Да ты посмотри на эту бабу — это месиво! Она уже не встанет!

— Ну, смотри. Сам знаешь. Я б ее прикончил...

В какой-то момент прямо над ее пульсирующим ухом раздался звук, которого Белинда боялась больше всего на свете, — щелчок взведенного курка. Со стоном она скрутилась на полу, прижимая ладони к окровавленному лицу, попыталась поджать колени к животу, раствориться в этой ненавистной комнате — не быть, не жить, не существовать.

Как все свелось к этому? Как она очутилась в подобной ситуации, ведь о таком пишут желтые газеты и показывают второсортные каналы — когда мужчина бьет свою женщину... Такого не бывает на самом деле, не должно быть, нет — они ведь любили друг друга...

— Килли...

— Что, моя лапочка? Что-то хочешь мне сказать?

Близкий шепот, радостный. Шепот совсем не того человека, которого она когда-то

знала.

— Я ведь...

— Что, моя хорошая?

— Я ведь... — горло жгло огнем; легкие заходились шершавым кашлем, — тебя...

— Что — меня?

— Любила...

— Да что ты? И потому сперла мои деньги?

— Наши...

— Наши?!

Он хохотал нечеловечески, и не единый звук в этом смехе не предвещал ей пощады.

— Килли... не убивай...

Тишина. Гробовое молчание.

— Не убивай... — одинокий и жалкий сип, никем не услышанный во Вселенной. Где же Создатель? Где же его помощь, когда она так нужна? Где... кто-нибудь?

Еще никогда в жизни ей не было так больно — мучительно, смертельно, до желания орать на весь свет: «Мне больно, мне больно, разве вы не видите, мне больно!»

Пусть все кончится.

Собственное тело более ощущать не хотелось — разбитое, чужое, страшное. Пусть все просто кончится. Лишь бы только все ушли, оставили ее в покое — не ее более — жуткое и страшное, как он сказал, месиво. Месиво, которое когда-то было человеком, женщиной. Еще этим утром нормальной женщиной.

Почему нельзя провалиться в беспамятство? Почему нельзя отключить разум хотя бы на пороге смерти?

Она лежала и дрожала, отхаркивала и захлебывалась собственной кровью, дергалась от спазмов и желания блевануть — она хотела тишины. Спасительной тишины, мягкой и теплой.

— Килли, ты еще долго?

Почему он стоял над ней? Почему не стрелял? Наверное, в собаку стрелять проще — она ведь теперь избитая собака — переломанная и выброшенная на помойку.

— Не... уби...вай.

Губы не шевелились, голос наружу не шел.

Минуты тишины. Минуты покоя, но не того, о котором она молилась, — зловещего покоя перед финальной чертой. Скрип чьих-то шестеренок, принимаемое решение, тик-так, тик-так со стены, скользящая по чужой черепной коробке в виде окончательного вывода пустая и равнодушная мысль: Оставить. Убить. Оставить. Подарить жизнь.

Убить.

— Да пошла ты!

И она заплакала. Беззвучно, одними глазами, голой израненной душой.

— Живи. Тварь. В назидание. Я добрый сегодня, видишь? Видишь?!

Белинда не видела.

Когда комнату покидали, она лежала на полу, зажмурившись, сжавшись в единый комок нервов и соплей, — «месиво — не человек», — и медленно соскальзывала разумом в небытие.

На холме Тин-До.

Где горные пики сливаются с небом.

Он мог смотреть на нее часами — на плавную линию шеи, на высокий идеальный лоб, на то, как выбившись из прически, темный локон спадет на глаза и пробудет там ровно до тех пор, пока его мягким жестом не вернут обратно. Он мог пить ее изображение глазами, ласкать его взглядом, вызывать в памяти любую, самую мелкую деталь и, сидя в залитом солнечным светом кресле, любоваться ей до бесконечности. Она была прекрасна в его воображении точно так же, как и наяву.

Мира — Любовь, воплощенная в теле женщины.

Белое хлопковое платье льнуло к ее фигуре, обнимая, складки на юбке колыхались в такт шагам неслышной музыкой, даже ковер прогибал ворсинки под ее стопами с благодарностью — млел, когда она касалась его.

Мира. Он любил ее настолько же сильно, насколько и ненавидел, ибо она являлась его полной противоположностью — Любовью, — тогда как сам он был полным ее отсутствием. Мужчиной-чернотой, отсутствием Света, Стыдом, Мужчиной-Смертью. И звали его Мор.

— Что печешь на этот раз?

— Крендельки.

— Сахарные, с пудрой?

От ее улыбки у него сосало под ложечкой — ни одна другая улыбка не проливалась на мир столько света, сколько ее. И всегда бесконечно вкусно пахло в ее доме: свежими цветами, скошенной луговой травой, заглянувшим в окно гуленой-ветром, немножко корицей и ванилью, растущими под окнами розовыми кустами. И все вместе эти ароматы рождали в сердце ощущение настоящего уюта — покоя, в котором хотелось течь, наслаждаться, быть.

Мор удивлялся ее совершенству, как удивляется скульптор, однажды слепивший Богиню. Мира и являлась Богиней, вот только лепил ее не Мор — ее лепил сам Творец на радость людям. А его он слепил в противовес ей, дабы сохранить Вселенский баланс, — такого же идеального, лишнего света мужчину.

Шутник.

Но Мор не был в обиде — он наслаждался собственной сущностью: полным отсутствием вины, сострадания, самобичевания, обид. Он никогда и ничем не тяготился, не испытывал угрызений совести, не терзался депрессивными муками, он вообще ничем не страдал. Ничем, кроме способности любить. И здесь, рядом с Мирой, где по праву и находилось его место, хотел он того или нет, Мор чувствовал себя целым. А так же иногда задавался вопросом, насколько приятно сие соседство совершенной женщине, однако вслух его никогда не задавал — ответа ведь не существовало.

— Хочешь? Свежие.

Бисеринки сахара на поверхности остывающего теста, тарелка с затейливой каймой; плавный танец ласкаемой с флиртующим сквозняком занавески; на подоконнике этого дома будто расселись вместе самые славные летние деньки. Они сидели на нем, болтали невидимыми ногами в солнечных сандалиях, шелестели зелеными кронами и цвели колокольчиками, и Мор казалось, что с улицы вот-вот позовут искупаться в речке — бежим,

мол, чего сидишь? Вода прохладная. И когда это случится, он забудет, кто он и зачем, скинет извечный и единственный черный костюм, сделается вдруг мальчишкой и побежит, помчится по лугу, догоняя других пацанят. И будут мелькать впереди их загорелые спины и острые локти, а ветер трепать выгоревшие от бесконечного пребывания на улице макушки...

— Мор?

Он задумался, замечтался, как часто случалось здесь, когда он садился в излюбленное кресло у окна.

— Здорово пахнет у тебя. Я задумался.

— Чаю?

Ее чай, как и ее глаза, всегда переливался искорками — вкусный, ароматный, в меру крепкий и удивительно глубокий по вкусу.

— Буду, — проворчал вечный сосед. — Ты же знаешь, я никогда не отказываюсь от твоих кренделей. А так же булочек, пышек и вообще всего того, что ты творишь в этой волшебной духовке.

— У меня обычная духовка.

— Да-да, у тебя все обычное.

— А разве нет?

Они бесконечно спорили, но не зло. Он старался ее поддеть, она лишь мягко улыбалась в ответ и никогда его не упрекала. Не терпела подковырки, не прятала обиду за беспечным выражением лица, но удивительным образом на самом деле никогда на него не обижалась. На то она и Любовь.

— Обычная? Обычные бабы не разговаривают на закате с цветами, не гладят их лепестки, не поют, поливая землю.

— Разве это удивительно?

— А разве нет?

Мира размешивала витой ложечкой в чае сахар — делала это неспешно и неторопливо. Она вообще никогда не торопилась, так как полагала, что не успеть попросту невозможно, ведь всему и всегда означено свое время. А если так, зачем спешить? *«Спешка — это страх, — отозвалась бы она, постарайся он в очередной раз отпустить по этому поводу шпильку. — А когда доверяешь судьбе, значит, не боишься того, что что-то случится не вовремя. И спешить становится некуда».*

И крыть было нечем.

В отсутствие других забот они часто выходили на крыльцо, садились в плетеные стулья — Мира ласкала пальцами страницы какой-нибудь человеческой книги, Мор, сцепив руки в замок, маялся бездельем — рассматривал ее идеальный, пышущий здоровьем сад, в котором днем сотнями красок буйствовали цвета, а ночью обнимали ароматы природы. И тогда над их головами светились в неведомой дали созвездия.

Они говорили о людях. Всегда. Их излюбленная тема. Почему одним хватает любви, чтобы совершить верный выбор, а другим, увы, не хватает. Всегда спорили и даже делали ставки на то, что в конкретном человеке победит в итоге (точнее, ставки делал он, она же просто качала головой). Люди, люди, люди... Они оба находились здесь из-за людей. Мира вела их к Свету, он пытался увести от света — доказать ей, себе и всему миру, что Любовь, увы, не правит всем. Иногда проигрывал, иногда выигрывал, почему-то часто испытывал смутное разочарование, когда оказывался прав, и даже чуточку радовался, когда права оказывалась она. Они — сотканые из противоположных энергий сущности, способные

жить и в тонком, и в реальном мире, — были дарованы людям в помощь. Так считала Мира, когда ей удавалось кому-то помочь, а он насмеялся, что это она дана им в назидание — «чтобы знали, какими идеальными могли бы быть и какими им никогда не стать». Но даже этой фразой не мог вывести ее из себя.

Однако сейчас был не вечер, а жаркий полдень и один из тех моментов безделья, когда можно прикрыть глаза и ни о чем не думать — покемарить, послушать, как гудят в траве за окном цикадные провода, почувствовать на щеке ласковое касание солнечного луча, ощутить на затылке любопытный взгляд далеких облаков, «повисеть» в пространстве.

— Мор, нам через час нужно идти. Женщина.

— Что — женщина? — спросил он, полусонный.

— Ей предстоит нелегкий выбор.

— Им всем предстоит нелегкий выбор. Не сейчас, так завтра.

Брюзжать он любил почти так же сильно, как и бездельничать.

— Через час она будет на мосту — оттуда расходятся ее линии судьбы.

— Пусть прыгнет с него, и делов-то.

— Мор.

— Что, Мор? Да пойду я, пойду. Но ведь еще через час?

Он приоткрыл веки лишь до щелок, чтобы убедиться, что Мира уже там — мысленно уже рядом с несчастной.

— Хочешь отговорить ее прыгать?

— Она не прыгнет.

— Тогда не пойдем?

— Пойдем.

Он вздохнул. Перед походом нужно будет снова поесть крендельков.

Любовь в очередной раз надеется победить. А тьма попытается не дать свету просочиться наружу — обычная битва, обычный спор. Обычный день.

Ринт-Крук.

Под штанами и ладонями отсыревшие доски моста; внизу река. Журчала, булькала на перекатах, несла вдаль прозрачные и холодные воды, облизывала укрытые туманом берега.

Белинда слепо смотрела вниз и мерзла. Она мерзла давно, все время, всю жизнь, вот только ощутила это только теперь — сидя на старом, забытом Создателем мосту, затерянном меж двух безымянных гор.

У реки нет ни прошлого, ни будущего — есть просто поток, который несется из ниоткуда в никуда, чтобы когда-то и где-то зайти на круг — однажды испариться, пролиться дождем, вернуться в землю и из подземного источника вновь стать ручьем, а после рекой. Безымянной рекой в безымянном месте. Бессмысленно. Бесконечно. Пусто, холодно.

У нее тоже нет ни прошлого, ни будущего. Есть просто Белинда — не разум, — неспособное мыслить тело. Два глаза, две руки, две ноги... Разбитый нос, куча синяков, саднящие ребра и кровоподтеки на лице.

Лин едва помнила, как добралась сюда. Сложнее всего было встать, чтобы попить воды, — ванная казалась далекой, как противоположный океанский берег, а разбитые ладони опухли так, что она едва ли могла на них опереться. Пришлось терпеть — дрожали колени, плавала перед глазами комната, болело горло.

Каким-то непостижимым образом Килли ничего не сломал ей — специально рассчитывал силу ударов? Вряд ли — просто повезло. А, может, сломал, но она пока из-за шокового состояния этого не ощутила. И не хотела ощущать, как не хотела больше думать. Зачем поднялась с залитого собственной кровью ковра, для чего? Почему не умерла? Куда теперь, куда? Белинде не хотелось более ни жить, ни существовать — даже злобный, как осенняя муха, мозг вдруг отключился и перестал задавать свои бесконечные изводящие вопросы. Так легче. Пусть так будет всегда — тишина в голове, тишина в сердце, отсутствие каких бы то ни было чувств.

Кажется, река потихоньку смывала боль, или же ее скрадывал холод.

Как быстро человек способен замерзнуть до смерти? А растерять последние силы от голода?

Вода под мостом журчала равномерно, даже ласково. Шумели вокруг сосны, поскрипывали стволы, и единственным сухим местом в округе оставались лишь ее глаза.

О чем плакать? Зачем?

Просто одна на мосту, просто избита, просто жизнь не удалась. Без денег, без дома, без тепла внутри. Плачут — это когда есть о чем. А если уже все потеряно, не плачут. Поздно.

Менее всего ей хотелось думать о том, что будет дальше, — вообще принимать какие-либо решения. Хорошо, когда пусто и когда не надо решать. Хорошо быть безымянным человеком, которому некуда идти.

Крохотная оставшаяся в живых часть Белинды страшилась собственного состояния — нужно как-то ожить, вновь почувствовать эмоции и прилив сил, хотя бы разозлиться на того же Килли, но эмоции не шли. Внутри нее молчал проржавевший и лишившийся бензина мотор — пытаешься завести его — чух-чух, а дальше полный штиль. Ни искры, ни дымка, ни скрипа шестерней. И плакать хотелось не глазами, а сердцем — Джордан исполнил высшее предназначение — не убил ее тело, но убил душу.

С тихим стоном Белинда накренилась вбок и обняла шершавую и влажную опору перил, прижалась к ней щекой, неверным движением стерла со щек дождевую морось. На секунду допустила слабовольную мысль — а если качнуться вперед? Хватит ли высоты?

Хмуро взирал на сидящую на мосту женщину дикий и хвойный Ринт-Крук; монотонно плескала внизу вода.

Она заснула. Или просто смежила веки?

Очнулась от того, что кто-то находился рядом — люди? Не услышала шагов... стыдно. Сейчас к ней пристанут с глупыми расспросами — девушка, вам плохо? Если вообще опознают в ней девушку. Белинда вновь прикрыла глаза — пусть все просто уйдут, оставят ее в покое, позволят мерзнуть здесь в безмыслии и далее. Пусть она станет для всех невидимкой, пусть...

— Это точно женщина?

Вопросил слева от нее мужской голос, и Лин вздрогнула, а после одеревенела — превратилась в продолжение моста.

Она женщина — да, — только избитая, стриженная и поломанная. Уходите, уходите все...

— Женщина, — подтвердил незнакомый мягкий голос. На этот раз справа от нее. Женский.

Уходите!

Не хотелось поворачиваться, не хотелось видеть вопросительных и сочувствующих

взглядов и совсем не хотелось раскрывать рта. Уходите...

Почти минута тишины; шум сосен, бульканье реки, плеск волн у пологих берегов.

Ну, где он, вопрос — вам плохо? Ей плохо — разве не видно? И компания сейчас нужна меньше всего. Почему тихо? Все уже ушли? Или чужаки ей только померещились?

— Пять путей, — вновь произнес женский голос, и Лин едва не застонала — гости так и стояли рядом. Или сидели? Судя по звуку, они сидели рядом с ней, с разных сторон, и что-то обсуждали. — Пять возможных вариантов развития событий. И четыре из них заканчиваются ее смертью.

— Вижу.

— Хочешь уехать?

Сквозь полусонную дымку Белинда неожиданно поняла, что последний вопрос обращен именно к ней.

Уехать? Хочет ли она уехать? Куда?

Господи, ты беседуешь с незнакомцами из собственного воображения. Здесь никого нет. Тебе мерещится!

А ведь ей и правда лучше уехать. На первом же автобусе, как только доберется до вокзала. Интересно, отыскал ли Килли заначку, припрятанную за телевизором? Если нет, у нее хотя бы есть деньги на билет. Лин временно забыла о галлюцинациях и принялась нехотя размышлять о будущем. Но не успела толком начать, как чужой диалог спугнул первые связные мысли, словно стаю ворон выстрел.

— Ей нельзя уезжать.

— Путь катится.

— Если поедет в Доринг, там наткнется на завсегдатаев из бара «Трур», завяжется драка. В ответ на словесные оскорбления, они пырнут ее на улице ножом — фатальный исход.

— Это ее выбор.

— Но у нее есть еще несколько.

— Пусть делает любой — это ее жизнь, ее решения.

— Но мы здесь затем, чтобы помочь ей сделать правильный выбор.

— А какой он — правильный?

— Там, где она останется жива.

— А нужно ли?

— Нужно.

— Ну, тогда ты и наставляй. А я не против, если она помрет.

Белинда нервно сглотнула, не удержалась, открыла глаза и медленно, подспудно ожидая, что рядом окажется пусто, повернула голову вправо — *она бредит, просто бредит. Свихнулась от наступившей на голову подошвы Килли...*

Но рядом сидела женщина. Очень странного вида: не молодая и не старая, одетая в легкое белое платье, с узлом темных волос на затылке и будто бы чуть прозрачная. Лин проморгалась — в глаза словно засыпали песок, — присмотрелась к незнакомке внимательнее. Та созерцала речные перекаты.

— Не уезжай, — печально попросила одетая не по погоде дама, — иначе ты захочешь мстить. Убедишь себя, что это единственное, ради чего стоит жить, но это не так. Мечь всегда ведет к смерти мстящего — ты лучше этого. Сильнее. Я вижу.

Лин сглотнула еще раз — на этот раз шумно. Она сходит с ума. Сидит здесь на мосту и слушает не то призраков, не то собственные бредовые галлюцинации. Рассматривает их,

внимает, даже силится думать над их вопросами — все, крантец, крышка, она окончательно свихнулась после побоев.

А незнакомка, тем временем, повернулась, взглянула Белинде прямо в глаза, и той вдруг стало тепло, как никогда до того — робко, светло, удивительно ласково на душе. Будто и не было никогда расставания с Килли, дальнейшего побега, Ринт-Крука и страшной ночи. А мост — это просто сон, в котором к ней пришла... мама?

Белинда поморщилась — что за странное слово? Вхолостую щелкала память.

Кто такая ма...

— Найди своего козла, девка, и отомсти ему.

Бритая голова дернулась — Белинда, ощущая боль в шее, резко развернулась влево и наткнулась взглядом на не менее странного, нежели первый субъект из ее воображения, чужака — одетого в черный костюм мужчину. Почти лысый череп, чернее черного глаза, тонкие неприятные губы, неровная, изъеденная давней оспой кожа на лице. Лин сглотнула.

— Ты ведь хочешь отомстить?

Она не знала по поводу «отомстить». Она пока вообще ничего не знала — что это за люди? Кто они такие? Почему сидят рядом с ней и рассуждают о странных материях, которые, судя по всему, включают в себя элементы ее жизни?

— Оставьте... меня одну.

То была первая фраза, которую она сумела сипло выдохнуть вслух.

— Видишь? — мужик, кажется, обрадовался. — Пойдем, Мира, нам здесь нечего делать.

Мира. Какое красивое имя для красивой женщины. Интересно, ей не холодно?

— Лин, — незнакомка вдруг обратилась к Белинде по имени, и по позвоночнику последней пробежала волна холодка — откуда они знают, как ее зовут?

— Нам действительно пора. Время с каждым человеком у нас ограничено, но послушай меня и все запомни: уезжать из Ринт-Крука тебе нельзя — каждый из четырех путей закончится для тебя бедой. Где-то раньше, где-то позже. Не те места, не те люди, не те мысли приведут тебя к гибели, и месть приведет к ней быстрее всего. Позабудь о Килли, прости его.

Простить? Она знает и его имя?! Откуда...

Если бы у Белинды были хоть сколько-то длинные волосы, в этот момент они бы точно встали дыбом, но рта раскрыть она не успела — Мира вещала мягко и быстро.

— Доринг, Касл-Эдинг, Ротсборо или обратно в Пембертон — то все тропы в никуда. И есть лишь одна, которая выведет тебя к свету, — монастырь на холме Тин-До.

— Монастырь? — ужаснулась Белинда и на секунду позабыла о том, что беседует с призраками. — Я не хочу... в монастырь.

Ей моментально представились монахи, одетые в зашпиленные на плече простыни, точки на их лбах, всюду смиренный дух, жесткий, почти тюремный уклад жизни, заведенный настоятелем, и полутемные пустые кельи. Остаток жизни в молитвах? Ну уж нет — лучше смерть.

— Там учат бою, дура, — раздался язвительный голос слева. — Научишься драться, отомстишь своему мудаку.

— Мор, — негромко упрекнула собеседника соседка и вновь повернулась к бритой девушке. — В Тин-До не попасть просто так, но ты покажешь руку...

Тыльной стороны ладони Белинды мягко коснулся чужой палец, и на коже Лин всего лишь на секунду высветился рисунок, похожий на сложную кудрявую звезду. Высветился на

мгновенье и исчез.

— Тебя примут.

— Я не хочу...

— Мира, пора.

— Уже уходим. Помни: Доринг, Касл-Эдинг, Ротсборо, Пембертон — смерть. Тин-До — твоя жизнь. Долгая...

— И счастливая, — крикнул уродский мужик в костюме. — Бывай, девка. И не слушай Миру — реши, что мы тебе привиделись. Мотай в отель, собирай вещички и назад к своему козлу. Оторви ему яйца — мир делается чище...

— Тин-До.

Эхом послышалось справа, и внезапно Белинда обнаружила, что сидит одна на мосту. Знакомо бормочет внизу река, гуляет в кронах сосен ветер, все так же цепляются за вершины гор рваные облака. Сырость, туман, влажные доски под ладонями, и... рядом никого.

Тин-До?

Какой еще Тин-До?

Да она екнулась мозгом. От голода, от холода и того, что слишком долго просидела околевшим задом на мокром. Черт, ей пора валить. Пока не стемнело, пока она окончательно не окоцурилась от непогоды, пока ей не привиделся кто-нибудь еще — кто-нибудь похуже поганого мужика с тонким ртом и этой странной, одетой в белое платье Миры...

Поднимаясь на ноги, Белинда изрыгала проклятья.

* * *

— Вам нужна помощь? Позвать доктора?

Плещущееся в глазах администратора сочувствие не вызывало ничего, кроме гнева, — наверняка это он сообщил Джордану номер комнаты новой постоялицы.

— А у вас есть больница?

— Очень маленькая. И всего один доктор. Я могу ему позвонить.

— Не нужно.

— Но вы... — администратор неловко умолк. «Плохо выглядите», — читалось по его глазам.

Она и сама догадывалась, что выглядела ужасно. И чувствовала себя еще хуже, особенно, когда этот... хмырь после того, как сдал ее, демонстративно проявлял деланное сочувствие.

— Я сейчас занесу вам ключи. Я уезжаю.

— Как знаете.

«Я хотел помочь. Я всего лишь хотел помочь», — витало в темном, пропахшем старыми коврами холле.

«Уже помог, — мысленно процедила Белинда. — Сучок».

Пропитанная страшными воспоминаниями, каждая вещь в комнате вызывала отвращение. Вот угол кровати, о который она ударилась головой, вот подушка, которой она накрывалась до прихода Килли, пытаясь унять в голове страшные мысли, чуть дальше темная ванная, куда она так долго не могла добраться, чтобы попить. Кровь на ковре, если не присматриваться, можно было принять за пролитое вино — пусть ее оттирают другие.

Грудная клетка, когда Лин подтащила табурет к телевизору и забралась на него, болела так, будто ночью по ней проехался каток — стотонный такой каток, — увесистый и беспощадный.

«Наверное, ребро все-таки треснуло».

О себе теперь почему-то думалось бездушно, как об оболочке. Не хотелось ни смотреть в зеркало, ни вообще представлять, что когда-то Белинда нормально выглядела.

Еще вчера. Вчера утром, когда у нее болтались по плечам волосы, под глазами не синели фингалы, а вдохнуть можно было, не корчась от боли.

Какая страшная ночь... Поганая. Самая жуткая ночь в ее жизни.

Но все уже позади — как-то, когда-то оно переживется.

Когда пальцы нащупали спрятанные за телевизором банкноты, настроение, как птица с перебитым крылом, чуть взлетело, но тут же рухнуло вниз — вчера в рюкзаке лежала пачка денег. А сегодня осталась лишь одна заначка. Жалкая, как сама Лин.

Дура ты. Нужно было ехать в другой город, мотать отсюда, как можно скорее. На что ты надеялась? На удачу? Какая, в жопу, удача может быть у идиота?

Подселенец «включился», продрал глаза и ожил.

Жаль, что он не умер, не получил носком ботинка Джордана по виску; внутренний монолог Белинда не слушала. Ей срочно требовалось уехать отсюда — из ненавистного места, от ночных кошмаров, оттуда, где не приключилось ничего, кроме очередного несчастья.

На вокзал. На первый автобус. И срать она хотела на жителей Ринт-Крука, на матерящегося при виде пятен на ковре администратора, на пропитанные так и не узнанной ей историей достопримечательности хмурых холмов.

Дождь продолжался почти сутки. То принимался стучать по вычищенному уже до блеска асфальту, по черным тротуарам, по утопленным в лужах хвойным иглам, то вдруг уставал и брал передышку, и тогда в воздухе висела похожая на распластавшееся у земли облако плотная морось, в которой от избытка влаги становилось трудно дышать.

За последние двенадцать часов дождь достал Лин до колик. Сырая кофта, сырые штаны, сырой рюкзак — ей казалось, что она медленно превращается из человека в земноводное: еще чуть-чуть, и на шее раскроются жабры.

Здание вокзала пустовало как снаружи, так и внутри. Узкие и вытянутые окна, ряд белых металлических кресел с испещренными, как дуршлаг, сиденьями; пыльное табло-вертушка на дальней стене не работало — на нем застыло число трехнедельной давности. Исправно тикали, впрочем, круглые, подвешенные справа от табло часы — стрелки на них показывали немного за полдень.

Касс нашлось три, но работала только одна; Белинда, чавкая мокрыми носками в кроссовках, подошла к пластиковому оконцу, оканчивающемуся облупленным поддоном для денег, бросила рюкзак у ног и порылась в карманах. На нее из-за прозрачной перегородки взглянула коротающая время за чтением журнала кассирша.

— День добрый. Куда едем?

Спросила равнодушно, но как-то едко, отчего Лин вдруг ощутила себя жертвой городка, из которого еще никто и никогда не уезжал, — психоделическое ощущение дешевого триллера.

— Добрый. Во сколько и в каком направлении отходит ближайший автобус?

— Ближайший? В два, до Пембертона.

Нет, обратно к Килли однозначно не хотелось. Даже если они никогда не столкнутся вновь на знакомых улицах, Лин ежеминутно будет ждать взгляда в спину.

Вдруг она встретит общих знакомых, и ему доложат? Лучше не рисковать.

— А другие автобусы? Куда?

Тетка в сером жакете и дешевыми стекляшками в ушах продолжала смотреть в журнал — видимо, нехитрое расписание держала в голове. Отозвалась монотонно, как выдавший заложенную в мозговой процессор фразу робот:

— В пятнадцать тридцать автобус на Касл-Эдинг, в шестнадцать двадцать на Ротсборо, в семнадцать ноль пять на...

— Доринг?

Произнесли они одновременно, и невидимая шерсть Белинды вновь встала дыбом.

«Четыре пути, и каждый из них заканчивается твоей смертью», — всплыл в голове голос призрачной Миры — той самой Миры, которую, как Белинда убедила себя, направляясь обратно в отель, никогда не существовало.

«Если поедет в Доринг, там наткнется на завсегдатаев из бара «Трур»,... пырнут ножом... — фатальный исход».

Фатальный исход. Фатальный исход. Фатальный исход.

Мысль кружила, как черная ворона над будущей могилой, и Белинда хрипло спросила:

— А там есть бар «Трур»?

Кассирша оторвала взгляд от глянцевых страниц.

Скажи, что нету. Скажи, что не знаешь, скажи...

— Есть, — в прозрачных кубиках-сережках преломлялись, исторгая на поверхности разноцветные искры, лучи от боковой лампы-стержня. — Есть. И «Трур», и «У Эдди», и «Три оленя». Туда все наши ездят напиваться. Здесь-то алкоголь купить негде — закон местного управляющего.

Лин едва могла нормально дышать — сердце глухо хлопало пульсом, как калитка на сквозняке.

— А еще куда-нибудь есть автобусы? Чтобы не туда... куда вы уже сказали.

Не могла эта галлюцинация на мосту оказаться настолько... правой. Не могла знать, что Белинда захочет уехать и купит билет в один из этих незнакомых городков. Или снова Пембертон.

«Не выбирай месь. Мстящий всегда умирает сам... Ты лучше этого...»

— Должны быть направления еще...

— Я все вам перечислила, девушка. Все. Ринт-Крук маленький, сюда приходит всего четыре автобуса в сутки. Если куда еще, то только пешком или на такси.

Рябью на поверхности болота колыхнулась надежда.

— А куда-то можно пойти пешком? — *ты не дойдешь*. — Или на такси? Куда можно на такси? Есть ли где-то ближайшие деревеньки?

Только бы не сбылось пророчество. Если Лин направится не в Доринг, Касл-Эдинг, Ротсборо или Пембертон, а сначала в какой-нибудь сраный поселок «Гнилой угол», то сказанное Мирой не сбудется. Наверное. Не должно. Ведь не должно?

— На такси вы доедете туда же — ближайших населенных пунктов, кроме перечисленных, нет. А вам мало?

— А пешком?

Взметнувшаяся ввысь надежда медленно угасала среди зловонных газов все того же болота.

— Пешком только лес вокруг. И холмы. Так билет вы будете брать или нет? Белинда невнятно промычала, мотнула головой и отошла от кассы.

Не должно быть так, не должно. Кто бы ни вел с ней диалог на мосту — призраки или собственные галлюцинации, — они знали обо всем наперед.

«Не в Пембертон... Не выбирай месь. Четыре пути — четыре беды...»

И вновь знакомый пейзаж — тот же самый, на который она смотрела вчера, сойдя с автобуса: поросшие буйной хвойной гривой холмы, мелкий городишко, единственная, ведущая за поворот от парковки улица...

Что за напасть?

Шагая к вокзалу, Белинда была уверена, что уже через час — максимум через два — она снова будет сидеть в автобусе, чтобы прочь, чтобы вновь дороги, чтобы неизвестность. Но стоило кассирше озвучить названия тех же самых населенных пунктов, что и женщина-призрак на мосту, как всякая уверенность в правильности принятого решения рухнула. Проклятье. Над Лин как будто нависло проклятье.

Нет, она все еще может уехать. Наплевать на предостережение странных существ, купить билет, зло хохотнуть в лицо качающейся головой судьбе, перекреститься и сделать шаг в пропасть, но... Но, достигнув одного из этих городов, не начнет ли она опасно оглядываться по сторонам. Откуда ждать подвоха? Когда?

«Неправильные мысли, ситуации, люди где-то раньше, а где-то позже приведут к твоей гибели...»

А что, если пророчество все-таки сбудется?

Черт бы подрал этих незнакомцев — как будто Лин не хватало собственных сомнений. Что же делать?

До тошноты надоела мокрая одежда; от сигаретного дыма першило горло. А дождь все лил и лил. Ей бы поесть, просохнуть, ей бы поспать. Отдохнуть, чтобы без мыслей, чтобы по-настоящему — в первый раз за долгое время без самоупреков, без ощущения, что она вновь одна-одинешенька в целом мире. Ей бы. Просто. Поспать.

Клубились над головой, напояая друг на друга, будто соревнуясь, кто сможет опуститься ниже, мрачные облака; терялись в белесых лоскутах верхушки холмов. Через минуту на парковку въехало такси — салон, кутаясь в плащ, покинул немолодой мужчина. Быстро вытащил из багажника сумку, привычным и уверенным движением, будто выудил саблю из ножен, выдвинул длинную ручку, кивнул водителю и зашлепал кожаными ботинками по лужам к вокзалу. Прошел мимо Лин, не взглянув, лишь поморщился от дыма.

Да, этот знал, куда ехал. Был уверен в том, что делает, спешил.

Глядя на него, ей вдруг тоже захотелось стать уверенной в себе — бодро кивнуть, подняться, куда-то зашагать. *Зная*, куда.

Но беда заключалась в том, что она не знала — не знала, куда шагать.

Скрылся в здании вокзала незнакомец, покинуло, шурша мокрыми шинами, парковку такси, и Лин вновь осталась на улице одна. Вытащила, было, из пачки последнюю сигарету, покрутила ее в пальцах, с трудом сглотнула — горло саднило — и трясущимися руками засунула ее обратно.

Ей нужны еще сигареты. Ей нужно поесть. И еще полежать — она прескверно себя

чувствовала.

Куда можно ехать в таком состоянии? Только к себе на похороны.

Нет, она не уедет из Ринт-Крука. Не сегодня. Сегодня она ляжет в постель — это снова обойдется ей в сорок три доллара, — задернет в паршивом и неудобном номере плотные шторы, натянет одеяло до самого подбородка и будет спать. Спать долго — пока не отдохнет, пока не придумает, что делать дальше, пока не почувствует себя хоть сколько-то лучше.

* * *

— Вы?

Администратор ничего не сказал ей по поводу грязного ковра.

— Я.

— Вам... номер?

Лин кивнула.

— Может, чаю?

Его глаза смотрели по-доброму. Даже, если он и был предателем, который накануне сдал ее Джордану, сейчас она нуждалась даже в липовой заботе, и потому кивнула.

— Мне бы еще поесть.

Она не стала добавлять, что у нее мало денег, хоть сразу же подумала о том, что с этого момента нужно жестко экономить, но, кажется, администратор все прочел по ее глазам.

— Мне принесут ужин. В семь. Я попрошу Риану приготовить на двоих. Тут, в подсобке у меня столик, места нам хватит — я позову Вас, хорошо?

— Спасибо.

Высокий неуклюжий мужчина в очках и с раздутыми от артрита суставами пальцев не стал спрашивать, какую именно комнату желает посетительница — коротко взглянул на доску позади стойки, звякнул металлическим колечком о дерево и выдал ключ с номером «один».

— В эту можно пройти из холла. Не нужно выходить на улицу. И чай я занесу вам через минуту, ладно?

— Конечно. Я буду признательна.

Оставляя мокрые следы на старом вышарканном паласе, Белинда побрела в указанном направлении.

Тем же вечером.

— Я не хотел. Я ему ничего не говорил — Вы мне верите? Но он сам посмотрел на доску с ключами, увидел, какого не хватает и... вышел за дверь. Я не думал... понимаете? Вы ведь у нас были только одна. Одна постоялица в этот день. Ринт-Крук маленький, я говорил.

Руки администратора, пока тот заваривал чай, дрожали.

— Ничего, — выдохнула Лин хрипло — взгляд ее упирался в тарелку с супом. В бульоне плавала разварившаяся вермишель, крупные куски картошки, ломтики моркови и веточки укропа. Суп пах вкусно, но аппетит все не приходил. А Дэнни — так звали администратора — старался не смотреть ей в глаза, чувствовал себя виноватым.

— Если бы я знал...

— Вы не знали.

— Я бы...

— Вы бы ничего не сделали. Не смогли бы.

— Я позвал бы на помощь. Может быть... Хотя бы.

— Бесполезно. Не важно. Бессмысленно, Дэнни. Не корите себя.

Он и так был к ней добр — незнакомый мужчина из незнакомого города. Отказался брать деньги за номер, за еду, все предлагал и предлагал посильную помощь — позвать доктора, набрать деньги на обратный билет домой — попросту не знал о том, что у нее больше нет дома.

А больница... Белинда много думала об этом после того, как проснулась в полутемном номере, лежа в кровати и чувствуя ноющую боль в груди. Ей нужна хорошая больница, дорогая — полное обследование, лекарства, наверное, много лекарств, а денег так мало — ей не хватит. Тысяча долларов — это очень мало, а врачебная помощь нынче стоит дорого.

— Пусть он Вас осмотрит — наш доктор. Он — неплохой специалист.

— Не нужно.

— Но Вы ведь...

— Я в порядке.

— Да.

Администратор грустно кивнул, поставил перед собой суп, взял ложку, повозил ей в бульоне.

— Вы ешьте. Там еще есть салат, второе. Я чай заварил.

Она ела. Не ощущая вкуса, продолжая размышлять о том, что, уехав отсюда, не сможет оплатить полноценное лечение, и, значит, придется там, куда она приедет, снять комнату и сразу же выйти на работу, чтобы накопить на жилье, на еду, а потом уже на докторов. Но как работать в таком состоянии? Замкнутый круг.

— Риана — моя знакомая, — Дэнни старался вести беседу ни о чем, чтобы хоть как-то заполнить тишину маленькой каморки, в которой помещался стол, два стула и один небольшой шкаф. Из-за занавешенного окна в приоткрытую форточку влетал пропитанный влагой воздух. Снаружи все еще капало. — Она готовит мне, добрая. Просилась сюда уборщицей, но я не взял — куда ей дополнительная нагрузка при больной пояснице? Я убираю номера сам. Как умею.

Теперь глаза не хотелось поднимать Белинде. Сменить бы тему, но на какую? Капал и капал за окном дождь.

— Скажите, а у Вас здесь всегда льет?

Долговязый мужчина улыбнулся.

— Почти постоянно в это время года. Нет, Вы не подумайте — Ринт-Крук замечательный, здесь бывает и хорошая погода, но больше летом. Весной тоже очаровательно — все цветет. А вот сейчас — осенью, — да, подтапливает. Но ведь тоже красиво.

Красиво? Может быть. Если есть сменная одежда, резиновые сапоги и добротный зонт. А еще красивее эти сырые вечера, вероятно, выглядят, если созерцать их изнутри маленького уютного коттеджа, сидя в кресле перед камином и потягивая горячий какао.

— А Вы давно здесь живете?

— Давно. Уже несколько лет. Переехал из шумного Пембертона.

— Не жалеете?

— Нет. Такой воздух!

Да, воздух действительно чудный, как будто даже целебный.

— Я покажу Вам окрестности, если останетесь.

Остаться? Зачем ей оставаться, где? На что жить? Устроиться в отель уборщицей? Всю оставшуюся на Уровне жизнь смотреть на строгие и неприступные холмы, ходить гулять к мосту, смотреть на реку? При условии, что сможет вылечиться и нормально ходить, а то ведь пока хромота. Нет, оставаться нет ни смысла, ни желания.

— Я не останусь.

Салат с крабовым мясом оказался, по мнению Лин, слишком жирным из-за заправки, а вот вареную картошку с котлетой она съела до последнего кусочка. И теперь чай — невкусный, горьковатый, но крепкий. Чай и тишина; перестук капель по подоконнику, скрип половиц под ножками стульев, неловкое молчание между почти незнакомыми людьми.

— А куда Вы теперь?

Куда?

И об этом она тоже долго размышляла. Корила себя на странное принятое решение, вновь изнасиловала себе мозг упреками, но сердцем знала: сделаю, как решила. Почему? Нет ответа. Может, потому что ей все равно? Потому что не важно, куда дальше, как и зачем.

— Я... Дэнни, я хочу у Вас спросить об одном месте.

— Спрашивайте. Расскажу все, что знаю.

— Холм Тин-До. Монастырь. Вы подскажете, как его найти?

Из-за стекол очков на нее взглянули крайне удивленные круглые глаза седого администратора.

— Они туда никого не пускают. Нет, Белинда, не подумайте, что я отговариваю, но этот монастырь — странная святыня за закрытыми дверями. И они не принимают паломников. И учеников, насколько я знаю, тоже.

Дэнни тер и тер линзы круглых очков носовым платком так тщательно, будто хотел сделать их в два раза тоньше. Смутился, нервничал, если смотрел на Лин, то вскользь, бегло, стараясь не выказать взглядом упрека.

«Сумасшедшая, зачем Вам? Кто Вам про него сказал?»

Нет, вслух этого не звучало, но Белинда читала вопросы по испещренному морщинами лицу — кто сказал? Никто. Призраки. А насчет того, что монастырь не упомянут в брошюрах для туристов, — так она об этом знает. Пролистала их все.

— Там... понимаете, туда очень сложно добраться. Мы и сами — жители Ринт-Крука — знаем об этом месте лишь теоретически. Там, вроде бы, живут монахи, но чем именно занимаются, кому молятся, нам неизвестно. Говорят, что, если на холм попробует взойти незваный гость, духи холма Тин запутают ему дорогу, хотя — опять же только теоретически, так как я сам не ходил — к монастырю ведет лишь одна дорога.

— Туда можно доехать?

— Доехать? Нет, что Вы. Только пешком, причем очень высоко. Тин-До — самый высокий холм в округе. А как, простите, Вы про него узнали?

Не удержался, спросил — пересилило любопытство.

— Рассказал кто-то. Не помню.

Белинда смотрела на пластиковый коврик-салфетку под тарелками — водила по той коротким ногтем. Рассказывать Дэнни про свои галлюцинации она не собиралась.

— А до самого холма далеко?

Полутемная комната, запах супа; качнулась на окне занавеска.

— Четырнадцать километров примерно. А оттуда тропа в гору.

— Высоко в гору?

— Да, высоко.

— Дэнни, Вы ведь хотели мне помочь? — администратор смотрел на нее с сочувствием и упреком одновременно — мол, хотел, но теперь Вы меня практически подставляете. — Вы можете найти того, кто довезет меня до холма? И помочь собрать в дорогу еду. Я заплачу.

Он печально кивнул. Затем отрицательно покачал головой:

— Платить не надо — я ведь перед Вами виноват.

— Вы не виноваты.

Дэнни ее не слышал:

— Таксист — мой знакомый. Он вас довезет. Белинда... Лин — могу я Вас так называть? Вы ведь понимаете, что ждать он...

«Не будет».

— А ждать меня и не нужно.

— Но Вы не сможете оттуда позвонить — на том холме нет связи. Не сможете вызвать такси, не сможете... вернуться.

Она смотрела не на него — мимо него. Молчала долго, затем произнесла без вызова, но и без сожаления — тихо, ровно:

— А я и не собираюсь возвращаться.

* * *

Мира и Мор.

Где-то далеко.

— Люди одинаковы во всех мирах. Злы.

Они застыли в углу темной комнаты. Горел на столе ночник, высвечивал на потолке витые тени от люстры и решетку от перил в детской кроватке. Лежала на диване бабушка, молодая мать качала на руках ребенка — качала уже долго, устала. Сын, когда его клали в кроватку, лишаясь ощущения тепла материнских рук, принимался хныкать — приходилось укачивать вновь.

— Они не злы, мор. Они просто устали.

— Разве это дает им право на злобу?

— Это страхи. А там, где страхи, любовь иссякает.

— Их страхи порождают их же собственное бессердечие. Люди везде одинаковы.

Принялась надрывно мяукать в коридоре кошка; бабушка обреченно вздохнула, молодая мать раздраженно поджала губы. Кошке хотелось на волю — хотелось свободы, гуляний, котов. Гормоны.

— Тань, может, в коридор ее?

И тихий шепот в ответ:

— Может быть, мам. Достала уже. Постоянно будит его, — кивок на спящего на руках сына, — дура пушистая.

— И меня будит. Ночами из-за нее спать не могу. А днем устаю сильно, мне бы хоть

ночами высыпаться.

Кошка на какое-то время унялась, будто услышала, что речь ведут про нее. Тикали на полке квадратные маленькие часы — стрелки показывали приближение полуночи.

Ребенок беспокойно ворочался; тихо злилась мать, злилась бабушка. Такими же глубокими, как тени в кровати, были тени под их глазами — усталость, усталость, сплошная усталость: маленький ребенок — это такая забота, такая ответственность. Стараешься, стараешься, а все будто против тебя — лай собаки за окном, голоса пьяных с лавочки. Еще эта кошка. Только усыпишь маленького, и тут эти бесконечные «мявы».

— Мира, зачем мы здесь?

Обитатели квартиры гостей не видели — незачем.

— Если им не хватит любви, они выбросят кошку в коридор, и она потеряется. Утром откроют дверь, чтобы запустить ее, а кошки нет — убежит.

— И?

Мира с грустью смотрела на молодую, одетую в халат босоногую мать.

— Я хочу посмотреть — может, им хватит. Ведь они не злые, Мор.

— Ага, как же, — крикнули в ответ.

— Их просто душит чувство вины. Они стараются для сына, делают все для того, чтобы тот рос счастливым, пытаются обеспечить ему покой, а все вокруг, как им кажется, против них.

— И поплатится за это кошка? Зачем было брать?

— Ее любили.

— Раньше. Но не любят сейчас.

— Любят. Только любви не хватает там, где есть страхи. Если сын снова проснется, мать подумает, что плохо качает его, что виновата, что она — плохая мать. Что не может обеспечить ему тишину. Но мать не виновата. И кошка тоже. Никто никогда не виноват.

— Ты всегда их защищаешь.

Мор не мог понять, зачем они сунулись в эту квартиру, ведь тем недавним прямым вмешательством на мосту они лишили себя права на другие вмешательства на длительный срок. Квота. Нельзя напрямую вмешиваться в решения людей — это чревато. А тут снова поход, эта квартира, надрывно орущая кошка, которая в этот самый момент вновь начала басовито мяукать в коридоре.

— Мам, вынеси ее, а? Пусть посидит ночь за дверью.

Момент икс. Принятое решение — решение не в пользу кошки; душевного света на всех не хватило.

Заскрипел диван; бабушка спустила ноги на пол, тихонько обулась в тапочки, хмурая, поджала губы.

— Сейчас найду ее.

— Все. Посмотрела, убедилась? Пойдем отсюда — мы все равно ничего не можем сделать, Мира, — шепнул Мор. — Пойдем. Чего стоишь? Ты не можешь вмешаться и не можешь им помочь.

— Не могу, — Мира грустила, — но я хотя бы могу рассказать кошке о том, что люди выбросили ее не со зла. О том, что им просто пришлось выбирать.

— Угу, из-за собственных стрессов.

— Пусть так. И еще я хочу помочь ей пойти в ту сторону, где для нее найдется новый хозяин.

— Мира, у нас квота.

— Я не вмешиваюсь в жизнь людей.

— Ты все равно вмешиваешься.

— Это кошка. Просто кошка, Мор.

Он неприязненно кивнул — ладно, за кошку им, может быть, не попадет.

А ту, о ком шла речь, в эту минуту поймали на кухне в углу и вынесли за дверь — тихо щелкнул в коридоре замок.

Любовь проиграла.

Ринт-Крук.

Промозглое утро, пропахший пылью и табачным дымом салон машины, покрытая бисеринками дождевых капель серая кепка водителя; снаружи привычно лило. Мужчина за рулем молчал, вел автомобиль по крутой и петляющей меж холмов дороге, изредка поглядывал на пассажирку в зеркало заднего вида — зеркало с трещиной.

Смотреться в треснувшее зеркало — плохая примета, но Белинда о приметах не думала. В этот самый момент, глядя сквозь мутноватые стекла такси — того самого такси, в котором, приехав в этот городишко, она вообще не намеревалась сидеть, — она силилась не слушать «херню», которая задавала бесконечный поток вопросов. Все, как один, не имеющих ответов.

«Куда ты едешь? Зачем? Что тебя там ждет? Совсем рехнулась? Попроси остановить машину, возвращайся на вокзал, наплюй на всякие предчувствия — езжай в нормальный город. В нормальный! Город!»

Лин «херне» не отвечала. Да и что ответишь, если логики в ее теперешнем поступке действительно не было никакой, так как Белинда, согласившись на предложение Дэнни договориться с водителем такси, ехала к подножию неизвестной горы, чтобы попытаться на нее взобраться. На какую-то гору, к какому-то храму. Да, раньше вся ее жизнь не имела великого смысла, а сейчас вообще превратилась в бред сумасшедшего.

«Попроси остановить машину!»

— Вы уверены, что Вам — туда? — не удержался в какой-то момент водитель и озвучил то, что кружило у него на уме уже не первую минуту. Наверное, администратор предупредил его, что девушка «немного не в себе», но как не попытаться вразумить сбрендившего человека, если тот собирался совершить нечто из ряда вон?

«Попроси остановить...»

— Уверена.

— Вы смотрите — туда никто из наших не лазил...

«Из наших» — как будто в Ринт-Круке существовала тесная и сплоченная коммуна тех, кто (в отличие от нее) из ума не выжил.

Лин с ответом не нашлась. От тряски ныли ребра; хотелось курить.

Сigaretами она запаслась этим утром в единственном супермаркете, куда добралась после того, как Дэнни снабдил ее пакетом с едой: «Это от Рианы».

Спасибо неизвестной Риане. Спасибо Дэнни. Но дальше она сама.

Когда развалюха с шашечками на боку, наконец, остановилась у обочины, Белинда потянулась к дверной ручке.

— Девушка, может... Вас подождать?

— Не нужно.

— Вы можете заблудиться.

— Могу. Но это не Ваша забота.

— Я все-таки...

— Ждать не нужно, — отрезали грубо, и конопатый водитель обиженно поджал губы.

Едва различимая тропа, низкорослые елочки с мокрой паутиной на ветвях — путь

наверх. Прежде чем сделать шаг, Белинда долго курила, упрекала себя за полный идиотизм, вдыхала рассеивающийся в утреннем тумане запах бензина от укатившего прочь такси.

— Ты заблудишься.

— Значит, так мне и надо.

— Замерзнешь. Вернешься, поджав хвост.

Может быть. Но она хотя бы попробует.

«Попробуешь что? Проверить собственные силы? Куда-то бежать от дурного пророчества? С больными ребрами?»

По крайней мере, постарается выбрать не одно из четырех роковых направлений. Холм — значит, холм. И только потом вокзал.

«С каких пор ты веришь в диалоги с призраками? Башкой тронулась?»

Вокруг, не считая шороха капель по хвое, все замерло — тихо и безветренно. Докуренная сигарета полетела прочь, под елку.

«Дура! Куда ты идешь?! ДУРА!»

Когда Белинда ступила-таки на тропу, херня завизжала так громко, будто не желала больше находиться в голове у безумца, которого невозможно переубедить.

«Ты нас потопишь! Угроишь! Ты — умалишенная!!!»

И пусть. Если она угробит подселенца, то совсем не будет жалеть, а, если себя, то тоже невелика потеря — хотя бы прогуляется напоследок на природе.

(John Dreamer — True Strength)

Он — голос в голове, — взяв минутную паузу, пока она шагала между мокрыми листьями свисающей вдоль тропы травы, снова принялся ныть — мол, а если монастыря не существует? А что, если тебе не откроют? Что, если не найдешь его до ночи? Что, если?...

Хватит «если». Почему-то в ее жизни, кажется, от самого рождения, было слишком много страхов — бесконечных «если» по поводу фантомов будущего, которое может никогда не произойти. Одна ли она среди миллионов людей страдала от многочисленных фобий и собственной неуверенности? Одна ли мучилась предположениями — правильно ли поступаю? Зачем? Почему никогда не чувствую себя спокойно, а лишь вечно изнываю от тревоги?

Этим странным утром, ковыляя по ползущей вверх тропе, Лин вдруг поняла, что окончательно устала от себя самой. Что она такая — какая есть сейчас — самой себе не нужна. Ей требовался выключатель — один-единственный выключатель, который бы раз и навсегда отрубил бы задравший до колик мыслительный процесс.

— Если бы ты поступала правильно, тебе бы не требовался выключатель! Включи башку!

— Иди в жопу.

Внутри безлостно — ровная гладь пруда.

Казалось бы, она приняла одно из самых странных решений в жизни, но сердцу, в отличие от ума, почему-то сделалось спокойно. Вероятно, умиротворял вид приземистых и разлапистых елок, растущих здесь в изобилии — или их вид, или их вкусно пахнувшая темная зеленая хвоя. А, может, посверкивающие капельки влаги на траве, пухлые раскрывшиеся шишки, на которые изредка наступали кроссовки, или же прочищал легкие от сигаретного дыма целебный туман?

Лес, холм, бесконечность. Тут ей вдруг сделалось почти хорошо — тишина, отсутствие людей, отсутствие взглядов, и ничего никому не нужно объяснять. Можно быть некрасивой, странной, жалкой — просто «никакой», и никто не скажет ни слова. Природа не судит — судят люди.

Чем выше Лин взбиралась, тем величественнее делался оставшийся внизу пейзаж, изредка открывающийся в те моменты, когда рассеивался туман и когда из-за плотных облаков, мгновенно преображая мир, вдруг ненадолго прорывалось солнце. Вон петляющая в ложбине река — наверняка та самая, через которую в Ринт-Круке проложили мост, — справа неровное, уходящее к горизонту полотно гор, где-то внизу позади осталась дорога. Шагая вперед, к сероватому небу, Белинде иногда думалось, что она шагает к завершению своей жизни — к небесным вратам. В рай, или что там ждет каждого по истечению последнего дня? Может, проделав путь в несколько километров, она выйдет вовсе не к монастырю, а к финальной черте, переступив которую вдруг получит желанное отдохновение? Покой от тревог и волнений, покой от себя самой.

«Жди», — зло крякал обделенный вниманием мысленный голос.

От постоянного движения болела грудь, гудели ступни и уставали икры. От смены высотного пояса кружилась голова.

Чем выше в гору, тем чаще приходилось отсиживаться — давать отдых ногам, унимать возникающие время от времени головокружения. Непривычным казалось все: климат, терпкий аромат трав и густо разросшегося вокруг камней можжевельника, оседающий влажной подушкой в легких воздух.

В какой-то момент, прошагав, как ей показалось, целую вечность, Лин достала из рюкзака и разворошила пакет с едой, в котором нашлись бутерброды с сыром и колбасой. Сжевала один на ходу, запила водой из бутылки — на некоторое время идти стало легче, но спустя пару сотен (или пару тысяч?) промелькнувших мимо елок усталость и тоска навалились с новой силой.

Может, монастыря и впрямь не существует? Или водитель перепутал гору? Что, если она бредет совершенно не в том направлении, забирается все выше, а времени до заката все меньше? Где заночует, если так и не доберется до вершины дотемна? Да и вообще, кажется, пик уже близко — вон какими низкими стали окрестные холмы и какой далекой и тонкой лента реки, — а следов цивилизации вокруг как не было, так и нет.

«Идиотка».

Сил на внутренний монолог не осталось. Хоть бы раз подселенец похвалил ее за проявленное упорство, хоть бы раз подбодрил добрым словом, поддержал дельным советом или же просто безо всякой причины сказал «молодец». Так нет же — идиотка. Всегда лишь только идиотка.

Ноги подкашивались.

Сколько она прошагала — два часа, четыре, шесть? Туман скрадывал временные ориентиры, а часов Лин не носила — лишь иногда чуть светлее или чуть темнее делался дневной свет. Облака-облака-облака. Спасибо, хоть дождь накрапывал лишь изредка, однако и без отвратительной погоды Белинда чувствовала себя хуже некуда — грудная клетка ныла при каждом шаге, болели колени, околели в тонких носках ступни.

Ей хотелось сдаться. Взять и прекратить движение, осесть прямо на тропинке, натянуть на голову капюшон и завалиться на бок. Скользнула малодушная мысль о том, что если бы

кнопка «выключить жизнь» существовала, то Лин, вероятно, нажала бы ее именно сейчас.

О, как смеялся бы над ней Джо, расскажи ему кто-нибудь эту историю...

— *Слышь, старик, а твоя бывшая пассия-то...*

— *Что с ней?*

— *Она на мосту встретила духов и поковыляла в гору — совсем тронулась.*

— *Ну, я не удивлен...*

Да, Килли бы не удивился, ведь он всегда считал Белинду ничтожеством, только никогда не говорил об этом вслух. Кажется, сама жизнь считала Белинду ничтожеством — стыдливым существом, непонятно для чего и зачем бороздящим дороги местного пространства. Залетным сквознячком, уже почти что тленом, никем.

Кажется, ноги все-таки подкосились, и какое-то время путница сидела, прижав руки к лицу. А потом ей почему-то вспомнилась Мира — ласковый свет, идущий от силуэта, ощущение тепла и покоя, сочувствие в глазах.

Тин-До. Тин-До. Тин-До.

Она хотела, чтобы Белинда туда дошла. А Белинда не дошла, сдалась. И, уже поставив на себе крест, она почему-то бездумно поднялась и вновь побрела покорять гору.

Пусть мимо проплывет еще тысяча елок, пусть свет этого дня окончательно померкнет, пусть покажет себя, наконец, вершина холма. И тогда — только тогда — Лин сядет и замрет, глядя на этот мир сверху, и только тогда скажет себе: «Я сделала все, что смогла».

Не сейчас.

Не сейчас.

Еще шаг. Еще один.

Еще чуть-чуть.

Отрывисто каркнул, глядя на сутулую спину спутницы, сидящий на ветке кривой сосны черный ворон.

(Hozier — Take Me To Church)

Силы окончательно иссякли в тот момент, когда растительность впереди поредела, когда меж деревьев появился просвет, и когда Белинда горестно осознала: вот она — вершина горы, а храма на ней как не было, так и нет. Сколько до пика — сто метров, двести? Что ж, вот и все — конечная точка ее очередного неудачного путешествия.

«Дура! — привычно изрек в голове голос — почему-то мужской. — На что ты надеялась, на чудо? Если бы ты хоть иногда думала...»

Подселенца хотелось удушить. Если бы ей хоть раз, хоть на минуту удалось достать его из собственной башки, она сжимала бы руки на шее уродливого монстра до тех пор, пока тот не испустил бы последний вздох. И, кстати, с превеликим удовольствием отсидела бы в тюрьме за это убийство положенный срок.

Лишь бы заткнулся.

Дорожка сделалась пологой и менее крутой — все ближе облака, все ближе к небу покорительница мира. Что она будет делать, ступив на ровную поверхность, обнаружив, что стоит именно там, куда шла, а вокруг на многие километры лишь покрытые буйным лесом холмы? Смеяться над собой? Плакать? Сядет и начнет качаться из стороны в стороны, причитая на тему «как ты могла послушать призраков?» Вызволит на волю отчаяние и, глядя на клубящиеся над головой серые облака, примется выть в голос?

Она действительно сглупила. Но не в том, что направилась к несуществующему храму, а в том, что направилась сюда без бутылки крепкого алкоголя, ибо, потерпев очередное поражение, она надолго приложила бы к горлышку, после чего отправилась бы искать самый лучший уступ — такой, откуда дальше всего лететь вниз. Чтобы уж наверняка.

А без алкоголя она не решится.

Или решится?

Решится, потому что идиотка, потому что таким, как она, не место среди нормальных людей. Преодолевая полысевшую равнину, Белинда смеялась безо всякого веселья, смеялась сквозь слезы, текущие по разбитому Джорданом лицу.

Идиотка. Идиотка. Идиотка.

И да — она решится.

До самой высокой точки на вершине холма лишь несколько шагов. Ненадолго вдруг разошлись облака, обнажив закатное солнце; долины и горные кряжи моментально залило оранжевым светом — оказывается, наступил вечер. Еще совсем немного, и солнце сядет, на местные леса опустятся холодные сумерки, возможно, зарядит дождь. А стемнеет здесь быстро.

Нужно найти уступ. Нужно...

Мерзкие мысли, страшные. Лучше обратно, вниз по тропе... Лучше жить хоть как-то, но жить — никчемной, калекой, одинокой, с подселенцем в голове. Белинда вдруг испугалась самой себя — неужели она настолько близко к финальной черте? Неужели, увидев обрыв, действительно задумается о свободе — *такой свободе*, достигнутой ценой страданий, которые не сумела вынести?

Зачем та женщина на мосту отправила ее сюда? Поиздевалась? Пошутила?

Да не было никакой женщины — была галлюцинация после удара виском о кровать.

«Но как же названия городов? Название того бара, в котором, как ей сказали, пырнут ножом?»

Ответить самой себе Лин не успела — стоило ей пересечь узкий, покрытый камнями и травой пятак, как взору открылась обратная сторона самого высокого в округе холма — сторона более пологая, почти покатаая, освещенная розовым лучом уходящего солнца.

И — сердце пропустило удар — храм на ней.

Бежать с больными коленями и ноющей при каждом шаге грудной клеткой? Нет, ни за что.

Но она бежала.

Неслась вниз, рискуя переломать шею, скользила по влажной траве, едва успевала перепрыгивать через поваленные стволы, пеньки и шишки, вся вымокла, потому что рванула прямо через кусты, через бурелом с такой скоростью, которую не ожидала увидеть от себя самой.

Хорошие бутерброды. Зарядили силами.

Мелькали ребристые подошвы кроссовок, мелькали в голове дурацкие мысли — теперь веселые и вольные, почти что сумасшедшие.

Зато не придется ночевать на горе, не придется искать путь вниз, не придется... искать обрыв. Она дурочка, дурочка, что даже задумалась о таком! А ведь Мира не обманула. Мира, молодец, умница, зацеловать бы тебя сейчас... Мира, Мира, Мирочка...

Белинда чувствовала себя пьяной безо всякого алкоголя.

Не придется спать в лесу... Она не идиотка, она видела не галлюцинации — храм есть!
ЕСТЬ ХРАМ!

И он действительно был.

Здесь, на этой стороне, где гора вдруг милостиво делалась покатой, высилось защищенное высокой каменной стеной строение во много этажей. На вид старое, как будто стоящее здесь еще со времен образования местного ландшафта, с множеством мелких оконных проёмов, с покатыми треугольниками крыш, с несколькими острыми шпильями, венчающими три возвышающиеся к небу башни. Колокола? Ей действительно виделись в арочных просветах колокола?

[Купить полную версию книги](#)